1863. № 10.

# ПРИРОДА И ЗЕМЛЕВѢДЕНІЕ.

## ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ «ВОКРУГЪ СВѢТА»

**ЖУРНАЛУ ЗЕМЛЕВѢДЕНІЯ, ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ, НОВѢЙШИХЪ ОТКРЫТІЙ, ИЗОБРѢТЕНІЙ И НАБЛЮДЕНІЙ,**

ИЗДАВАЕМОМУ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. ОЛЬХИНА.

Въ годъ 12 тетрадей въ 4 д. л., каждая изъ 4 листовъ печати въ 2 столбца. Цѣна въ годъ 3 р., съ доставкою 4 р., съ пересылкою 5 р.

Вмѣстѣ съ журналомъ Вокругъ Свѣта, состоящимъ изъ 12 тетрадей съ 24 раскрашенными гравюрами на мѣди, 12 картинами рѣзанными на стали и до 200 политипажами 8 р. 50 к. съ доставкою 9 р., съ пересылкою 10 р.

## СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТАГО ВЫПУСКА:

КИТАЙ И КИТАЙЦЫ: (Продолженіе). Раздѣленіе китайскаго населенія. Неизмѣнность основной формы правленія. Народное просвѣщеніе и обученіе. Императоръ и его положеніе. Государственное министерство и устройство управленія. Государственное испытаніе для достиженія высшихъ чиновъ. Китайскіе законы о наказаніяхъ. Жестокость и изысканность наказаній. Покупка замѣстителей при всякаго рода наказаніи.

Китайская армія. Ея вооруженіе и раздѣленіе. Недостатокъ воинственнаго духа въ войскѣ и народѣ. Пренебреженіе военнымъ искусствомъ. Армія мятежниковъ.

Противоположность китайцевъ относительно Европейцевъ. Характеристика китайскаго народа по его обычаямъ и нравамъ. Празднества. Новый годъ. Празднество умершихъ. Празднество фонарей. Забавы.

Сватовство. Домашнія отношенія. Нужда простолюдиновъ. Смерть и погребеніе главы семейства. Могила.

Тѣлосложеніе китайцевъ. Изуродованіе ногъ у женщинъ. Одежда. Пуговицы на шапкахъ. Украшенія богачей. Мирность нрава народа. Національная надменность. Нравственность китайцевъ. Домашняя жизнь. Куреніе опія. Поварское искусство и разнообразіе блюдъ въ Китаѣ.

Земледѣліе китайцевъ. Разведеніе риса и хлопчатой бумаги. Шелководство. Тканіе и вышиваніе. Выдѣлка фарфора и металловъ. Рѣзьба дерева и доски. Искусство и недостаточность художественности. Врачебное искусство.

Пиченскій языкъ. Компрадары. Китайская прислуга въ европейскихъ семействахъ. Монета.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.
1863.

# ВЫШЕЛЪ И РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ

ВЫПУСКЪ **10**-Й

**ЖУРНАЛА:**

# ЗАБАВЫ И РАЗСКАЗЫ

**для дѣтей отъ 6 до 10 лѣтъ, составленный А. ПЧЕЛЬНИКОВОЙ.**

12 выпусковъ, каждый отъ 6—7 листовъ крупной печати съ приложеніемъ въ теченіе года 12 раскрашенныхъ рисунковъ, многихъ объяснительныхъ политипажей и нотъ, или 2 тома въ 4 д. л. въ годъ.

## СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТАГО ВЫПУСКА:


Докторъ.
Признательная собака.
Пятакъ.
Лошадь.
Испорченное яблоко.
Письмо Тани къ Петѣ.
Рыбная ловля.
Потерянная булавка.
Разговоръ Коли съ Варенькой (съ чертежемъ).
Мраморный шарикъ.
Качели.
Садъ.
Земляника.
Рисовая каша.
Тише ѣдешь, дальше будешь.
Задача.


---

## УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

**Цѣна въ годъ 5 р.; съ доставкою и съ пересылкою 7 р.**

**Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ издателя, М. О. Вольфа, въ Гостинномъ Дворѣ №№ 18 и 19 въ С.-Петербургѣ.**

За выходъ, въ теченіе года, всѣхъ 12 выпусковъ, ручается издатель съ тѣмъ, что въ случаѣ неокончанія изданія, возвратитъ внесенныя подписчиками деньги.

---

Раздѣленіе китайскаго населенія. Неизмѣнность основной формы правленія. Народное просвѣщеніе и обученіе. Императоръ и его положеніе. Государственное министерство и устройство управленія. Государственное испытаніе для достиженія высшихъ чиновъ. Китайскіе законы о наказаніяхъ. Жестокость и изысканность наказаній. Покупка замѣстителей при всякаго рода наказаніи.

Въ Кантонѣ мѣстопребываніе губернатора, или вице-короля. Этому высшему сановнику императоръ даруетъ королевскую власть съ ея символомъ, драгоцѣннымъ мечемъ, съ крестообразною ручкою, золотыми ножнами и брилліантами; это даетъ право надъ жизнью подданныхъ. Этимъ правомъ губернаторы пользуются иногда въ большихъ размѣрахъ, какъ это видно по извѣстному Іе, казнившему въ три года 70,000 человѣкъ въ одномъ Кантонѣ. Весь Китай раздѣленъ на 18 провинцій, и каждыя двѣ провинціи управляются однимъ вице-королемъ. Губернаторъ Кантона управляетъ провинціями Квангси и Квангтунгъ, которыя, по величинѣ и числу жителей, превосходятъ значительныя европейскія государства. Число жителей всей Имперіи, опредѣляется не всѣми единогласно. При прежнемъ императорѣ произведено народосчисленіе, при которомъ оказалось 310 милліоновъ жителей. Теперь полагаютъ, что оно возрасло до 360 милліоновъ, но это, можетъ быть, преувеличено, потому что въ послѣднія десять лѣтъ, многіе погибли отъ междоусобій, и населеніе уменьшилось также отъ выселеній, происходившихъ въ послѣднее время въ огромныхъ размѣрахъ.

Какъ бы то ни было, все-таки изумительно, что столь громадное число людей собралось и оставалось въ теченіе тысячелѣтій подъ управленіемъ одного главы, и потому очень интересно прослѣдить причину этого факта, единственнаго въ своемъ родѣ во всемірной исторіи.

Болѣе всего незыблемость китайской имперіи обусловливается формою правленія, которая въ сущности должна быть хороша для народа, потому что умные люди, каковы безъ сомнѣнія китайцы, не перенесли бы вреднаго правленія въ теченіе продолжительнаго времени. Ни одна страна не можетъ представить въ своей исторіи, такого однообразнаго прошедшаго, какъ Китай и если справедливо изрѣченіе человѣка, сказавшаго, что счастливъ тотъ народъ, чья исторія скучна, то китайцы навѣрное счастливы. Лѣтописи этого народа не болѣе какъ картина, спокойно текущаго потока, который лишь черезъ нѣсколько столѣтій на короткое время воозмущался и разливался, но вскорѣ опять возвращался въ прежнее свое ложе, чтобы снова течь вѣка съ прежнимъ спокойствіемъ. Возмущенія вызывали жестокіе деспоты, сверженіе которыхъ обыкновенно влекло за собою вступленіе на престолъ новой династіи. Нынѣшняя борьба также не что иное, какъ сопротивленіе народа противъ дурнаго правленія, борьба покоренныхъ съ чуждыми притѣсненіями, китайцевъ съ татарами.

Какъ часто ни мѣнялись династіи правителей, форма правленія не измѣнялась. Во всѣхъ случаяхъ дѣло шло только о перемѣнѣ лицъ. Хотя отъ нынѣшней борьбы многіе ожидаютъ перемѣны системы правленія, но, по моему мнѣнію, совершенно напрасно. Можетъ быть, прежняя китайская прическа замѣнитъ татарскую косу, а суевѣріе буддаистовъ и таоистовъ замѣстится лучшимъ религіознымъ ученіемъ, можетъ быть, побѣдятъ мятежники или принцъ Кунгъ вступитъ на престолъ и откроетъ государство для чужеземцевъ; при всемъ этомъ форма правленія вскорѣ не измѣнится: для этого необходимы вѣка. Народъ слишкомъ освоился съ этою формою, и чтитъ ее по ея древности, какъ святыню.

Сколько мнѣ извѣстны китайцы, это самый консервативный народъ въ мірѣ, и нынѣшняя борьба пробуждена неблагоразуміемъ правителя, который затронулъ самыя священныя учрежденія государственнаго благоустройства. Мирный характеръ китайцевъ выражается въ ихъ пословицѣ: «лучше быть собакой въ мирѣ, нежели человѣкомъ въ безначаліи.» Еще лѣтъ за 50, они не имѣли огнестрѣльнаго оружія, и достаточно извѣстно, что народъ поддерживалъ себя мирною дѣятельностью и промышленостью. Значитъ были сильныя причины, которыя заставили невоинственный народъ десять лѣтъ вести кровавую войну, невозбужденную желаніемъ завоеваній или религіозными сопротивленіями, такъ называемому христіанству, если оно вообще существуетъ у мятежниковъ: ему преданы, можетъ быть, только одни предводители; но притомъ, какъ я уже замѣтилъ, китайскому характеру, вовсе несвойственъ фанатизмъ, и честолюбивые люди не извлекутъ себѣ изъ него ни какой пользы. Воинственное честолюбіе также не подастъ повода въ китайскомъ населеніи образоваться войску въ сотни тысячъ, которое держится уже десятокъ лѣтъ. Честолюбіе народа стремится только къ пріобрѣтенію отличій за ученость; но татары преграждаютъ путь этому честолюбію, отдавая недостойнымъ высшія мѣста, доступныя всѣмъ, кто имѣетъ талантъ и отличныя знанія. Этимъ оскорбляются самыя священныя права народа, и пробуждается борьба, которая окончится сверженіемъ татаръ, даже если пройдутъ еще 10 или 20 лѣтъ. Западныя государства, могутъ,

конечно, возстановить власть манджуровъ у береговъ, но этимъ они не подавятъ надолго возмущенія.

Я уже обозначилъ главныя черты образа китайскаго правленія, говоря объ ученіи Конфуція. Основа заключается въ отеческомъ авторитетѣ, естественной силѣ, которую признаетъ всякій при первомъ пробужденіи самосознанія и охотно покоряется ей. Убѣжденіе въ могуществѣ этой силы или другой поводъ побудилъ китайскихъ государей принять такую основу правленія? Какъ бы то ни было, это первая и самая естественная причина, почему, люди соединялись государствомъ. Въ Китаѣ удивительно только то, что патріархальная форма правленія удержалась такъ долго, приняла столь обширные размѣры, оказалась годною для сотень милліоновъ, и не приняла дурнаго направленія.

Китайское правительство признаетъ неограниченную власть отца надъ дѣтьми, но требуетъ, чтобы подданные признавали такую же власть главы правленія надъ собою. Государь считается отцемъ государства, губернаторъ отцемъ провинціи, мандаринъ отцемъ города или округа. Такимъ образомъ подданные отъ нѣжнѣйшаго дѣтства до самой смерти считаются несовершеннолѣтними дѣтьми родителей или начальниковъ и вмѣстѣ съ молокомъ матери всасываютъ убѣжденіе въ необходимости почтенія и послушанія къ родителямъ и начальникамъ. Если при такой системѣ, личная свобода и развитіе очень ничтожны, она все-таки имѣетъ то преимущество, что доставляетъ государству спокойныхъ подданныхъ, которые дѣйствительно существуютъ въ Китаѣ.

Въ европейскихъ государствахъ принято за основаніе, что незнаніе законовъ не освобождаетъ отъ наказанія. Это основаніе во многихъ отношеніяхъ, можетъ быть, очень хорошо; но во всякомъ случаѣ жестоко, и нельзя отрицать человѣколюбивой черты китайскаго законодательства, которое стремится избѣжать такой жестокости. Хотя въ Китаѣ изъ десяти человѣкъ навѣрное девять умѣютъ столько читать и писать, чтобы ознакомиться съ законами, тѣмъ не менѣе правительство отнюдь не предполагаетъ этого. Обязанности подданныхъ изложены въ отдѣльной книгѣ, которую особые чиновники во всемъ государствѣ читаютъ публично два раза въ мѣсяцъ. Въ первой главѣ означены обязанности дѣтей относительно родителей, юношества относительно старости, и народа относительно правительства, и повторяется взрослымъ только то, чему дѣти учатся у родителей, что въ священныхъ книгахъ Конфуція изложено какъ основаніе воспитанія, и что преподаютъ, поясняютъ и подтверждаютъ въ школахъ.

Нельзя отрицать, что императоръ часто употребляетъ во зло родительскую власть, народъ терпитъ притѣсненія отъ правителей и ихъ слугъ, и вообще образъ правленія представляетъ многіе недостатки. Но такія злоупотребленія не продолжительны, и китайцы переносятъ ихъ не долго. Притомъ, должно, однако, признать, что вообще въ цѣлости китайское правительство исполняетъ свои обязанности, относительно народа, и издавна рѣдко пренебрегало ими. Въ этомъ убѣждаютъ богатство страны, неутомимая веселая дѣятельность ея обитателей и ихъ трогательная привязанность къ отечеству. Эта привязанность до того велика, что китайцы переселяются тогда только, когда не имѣютъ рѣшительно никакихъ средствъ существованія въ Китаѣ, и никогда не помышляютъ оставаться внѣ отечества навсегда. На чужбинѣ, они желаютъ только заработать себѣ имущество, чтобы подъ старость имѣть возможность жить въ Китаѣ. Не многіе, однако, достигаютъ этой цѣли; но кто только можетъ, тотъ старается, чтобы по крайней мѣрѣ его останки попали на родину. Изъ всѣхъ странъ свѣта въ разныя гавани Китая, привозятъ трупы выселившихся китайцевъ.

Общее благоденствіе и спокойствіе въ Китаѣ должно приписать преимущественно вліянію училищъ и воспитанія на низшіе классы. Въ прежнія времена часто преувеличивали образованіе китайскаго народа. Въ новѣйшее время на этотъ предметъ, однако, обратилъ особое вниманіе миссіонеръ Лобшейдъ, нынѣшній инспекторъ школъ въ Гонгконгѣ, и опредѣлилъ дѣйствительное образованіе китайцевъ. Въ сочиненіи объ этомъ предметѣ, онъ говоритъ, что очень немногіе мужчины въ Китаѣ не умѣютъ читать и писать. Такою высокою степенью образованности народъ обязанъ правительству, которое, съ незапамятныхъ временъ, не только признаетъ необходимость хорошаго воспитанія и распространенія знаній и внушаетъ любовь къ нимъ надлежащими предписаніями, но также поощряетъ знанія и таланты почестями. По китайскимъ законамъ, родители отвѣчаютъ за преступленія дѣтей, какъ бы послѣднія ни были стары, но съ другой стороны родители раздѣляютъ и почести, оказываемыя ихъ дѣтямъ. Такими мѣрами, правительство принуждаетъ каждаго, обращать вниманіе на воспитаніе дѣтей. По той же причинѣ, въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ существуютъ общественныя школы, хотя правительство нисколько не заботится объ учрежденіи училищъ, а люди богатые держатъ для дѣтей частныхъ учителей. Лобшейдъ укоряетъ такихъ учителей въ неосновательности знаній, потому что они большею частью люди не выдержавшіе экзамена кандидатства на государственную службу. Но мнѣ кажется такое осужденіе слишкомъ

строгимъ, потому что о воспитаніи въ Китаѣ, нельзя судить съ точки зрѣнія нѣмца, и даже въ Германіи еще понынѣ, можетъ быть, случается, что въ народныхъ училищахъ учитель съ тѣмъ вмѣстѣ и свинопасъ. Результаты, достигаемые въ Китаѣ, громадны. Я удивился, когда услышалъ въ деревнѣ верстахъ въ 15 отъ Шангхаэ, какъ бѣгло дѣти 7 или 8 лѣтъ читали четыре классическія книги Конфуція. Это было въ частномъ училищѣ только съ шестью учениками, но все-таки я не ожидалъ такихъ успѣховъ, тѣмъ болѣе, что чтеніе на китайскомъ языкѣ, для дѣтей, гораздо труднѣе, чѣмъ на какомъ-либо другомъ. Извѣстно, что у китайцевъ слова, составлены не изъ буквъ, и что для каждаго понятія существуетъ особый знакъ. Хотя эти знаки и можно отнести къ опредѣленному числу корней, замѣняющихъ азбуку, но все-таки по одному изъ лучшихъ знатоковъ китайскаго языка, Девису, этихъ корней не меньше 214. Значитъ, маленькій китаецъ долженъ запомнить 214 знаковъ, между тѣмъ какъ ребенокъ въ Европѣ заучиваетъ только 25. Кромѣ того, должно обратить вниманіе и на то, что въ Китаѣ употребительны не менѣе 6 родовъ письма и печати, которые имѣютъ между собою гораздо менѣе сходства, чѣмъ напр. нѣмецкія угловатыя и латинскія буквы.

Глава государства самодержавный императоръ или *сынъ неба десять тысячъ лѣтъ*, какъ его чествуютъ оффиціально. Его представляютъ себѣ вездѣсущимъ въ государствѣ; онъ верховный жрецъ государственной вѣры, и ему оказываютъ почести, какъ божеству. Во всѣхъ большихъ провинціяльныхъ городахъ есть посвященный ему храмъ, гдѣ государственные чиновники и знатнѣйшіе горожане оказываютъ ему почести въ день его рожденія и рожденія императрицы. Этотъ храмъ или залъ обитъ сукномъ желтаго государственнаго цвѣта, и снабженъ престоломъ, передъ которымъ каждый посѣтитель становится, по предписанію, десять разъ на колѣни, точно какъ передъ самимъ государемъ.

Китайскій императоръ вовсе, вопреки обычаю прочихъ азіятскихъ государей, не отличается роскошью. Его одежда проста. Министры и чиновники залиты золотомъ, серебромъ, драгоцѣнностями и шитьемъ, а императоръ является къ аудіенціи въ простомъ шелковомъ платьѣ и въ бархатной шапкѣ, украшенной только одною большою жемчужиною.

Императоръ, съ незапамятныхъ временъ, имѣетъ право назначить себѣ наслѣдника, и нерѣдко случалось, что государи избирали въ наслѣдники людей дѣльныхъ, оставляя безъ вниманія родныхъ сыновей. Ко всѣмъ указамъ, подтвержденнымъ императоромъ, прикладывается его печать. Свои замѣтки онъ пишетъ красною тушью, и всѣ его приказанія печатаются въ государственной газетѣ, единственномъ публичномъ періодическомъ изданіи въ Китаѣ. За измѣненіе статей, содержащихъ донесенія императору и его отвѣты, предписана смертная казнь. Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ самыя донесенія всегда были вѣрны, особенно когда въ нихъ говорится о мятежѣ или сраженіи. Указы объ усиленіи или ослабленіи наказанія въ отдѣльныхъ случаяхъ, издаются не въ примѣръ другимъ; слѣдовательно, они не имѣютъ значенія закона, какъ напр. у римскихъ императоровъ, которыхъ приказанія имѣли законную силу и въ послѣдствіи при подобныхъ случаяхъ.

Министерство, или нуико, состоитъ изъ четырехъ человѣкъ, двухъ татаръ и двухъ китайцевъ, изъ которыхъ первые всегда предсѣдательствуютъ. Министры съ нѣкоторымъ числомъ высшихъ сановниковъ, составляютъ государственный совѣтъ. Всѣ эти особы образовались въ императорскомъ училищѣ, или ганлинѣ, которое составляетъ нѣчто въ родѣ бывшей парижской Сорбонны, потому что въ этомъ учрежденіи рѣшаются окончательно всѣ дѣла, касающіяся правилъ вѣры, которыя въ Китаѣ суть и государственныя правила.

Исполнительные органы министерства составляютъ шесть присутственныхъ мѣстъ, изъ которыхъ первое назначаетъ всѣхъ чиновниковъ на службу, и слѣдитъ за ними. За тѣмъ слѣдуетъ министерство финансовъ и народнаго просвѣщенія, которое надзираетъ за всѣми государственными церемоніями и обрядами. Послѣ этого слѣдуетъ военный департаментъ, къ вѣдомству котораго принадлежатъ губернаторы разныхъ провинцій, верховный уголовный судъ и наконецъ департаментъ общественныхъ работъ. Всѣ эти присутственныя мѣста пребываютъ въ Пекинѣ и управляютъ всѣмъ государствомъ.

Въ провинціяхъ главные чиновники слѣдующіе: 1) Генералъ-губернаторъ или вице-король, властвующій надъ двумя провинціями довольно самостоятельно, и располагающій жизнью и смертью жителей. Онъ мандаринъ первой степени, предсѣдатель провинціяльнаго военнаго департамента, и считается начальникомъ всѣхъ войскъ, находящихся въ его провинціяхъ. 2) Губернаторъ, начальствующій только надъ одною провинціею и обладающій почти такимъ же могуществомъ, какъ и его начальникъ, потому что имѣетъ право обо всѣхъ дѣлахъ относиться прямо къ императору. Онъ, такъ сказать, соглядатай вице-короля, и потому послѣдній долженъ стараться быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. 3) Провинціальный директоръ по части сбора податей; онъ также выплачиваетъ жалованье чинов-

никамъ провинціи и, подобно губернатору, вмѣшивается въ общіе вопросы управленія. Онъ имѣетъ право три раза въ годъ дѣлать донесеніе императору, и потому бываетъ соглядатаемъ своихъ начальниковъ. За тѣмъ слѣдуетъ 4) провинціяльный судья. Въ немъ сосредоточена высшая судебная власть въ провинціи, и притомъ онъ обязанъ надзирать за императорскими почтами. 5) Соляной коммиссаръ надсматриваетъ за торговлею солью и желѣзомъ, продажа которыхъ составляетъ монополію правительства. 6) Чутау, чинъ который перевесть нѣсколько трудно, надзираетъ за податью, выплачиваемою произведеніями земли, между тѣмъ какъ директоръ сбора податей вѣдаетъ только денежныя подати. Чутау обязанъ также заботиться о продовольствіи войска. 7) Таутай, находящійся въ главѣ области, которыхъ въ провинціи бываетъ пять или болѣе. Въ своей области онъ то же, что губернаторъ въ провинціи и надзираетъ за всѣмъ. 8) Чифу, начальникъ округа, имѣетъ помощника 9) Тунгчи. Рядъ главныхъ чиновниковъ заканчиваетъ 10) Чину, родъ прокурора, составляющаго первую инстанцію при жалобахъ, и имѣющаго, можетъ быть, самое трудное положеніе, потому что онъ долженъ являться лично повсюду, гдѣ что-либо случается, и принимать первыя мѣры.

Эти десять различныхъ чиновниковъ мандарины отъ перваго до седьмаго класса. Они получаютъ чины по личнымъ заслугамъ до третьяго класса, выдержавъ предварительно ученый экзаменъ. Для полученія первыхъ двухъ классовъ, необходимо еще другое испытаніе въ самомъ Пекинѣ, въ присутствіи членовъ ганлина.

Для полученія права на высшее государственное мѣсто, во всѣхъ главныхъ провинціяльныхъ городахъ, каждые три года бываютъ испытанія. При этихъ экзаменахъ, предсѣдательствуютъ два совѣтника ганлина, въ главѣ десяти экзаминаторовъ, избранныхъ изъ высшихъ мѣстныхъ чиновниковъ. Къ этому испытанію допускается всякій, кто уже пріобрѣлъ литературную степень при годовыхъ испытаніяхъ. Въ одномъ Кантонѣ является 5 или 6 тысячъ желающихъ экзаминоваться. Можно себѣ представить, какое волненіе бываетъ при этихъ испытаніяхъ, потому что его могутъ выдержать только 70 или 80 самыхъ способныхъ. Зданіе для испытаній (кунгіуэнъ) огромная зала, съ тысячами тѣсныхъ низкихъ келій, гдѣ экзаминующіеся остаются три дня и двѣ ночи, чтобы сдѣлать письменные отвѣты на заданные вопросы. Во все это время, они находятся строжайшимъ образомъ взаперти.

Кандидатамъ задаютъ три темы изъ четырехъ священныхъ книгъ Конфуція, которыя они должны пояснить и четвертую, на которую имъ надобно написать краткое риѳмованное стихотвореніе. На другой день задаютъ тему изъ другаго отдѣленія ученія Конфуція, а на третій день предлагаютъ пять вопросовъ, относящихся до исторіи и политической экономіи. Всѣ вопросы должны быть важнаго содержанія и еще дотолѣ необработанные; также они не должны относиться къ политикѣ настоящей династіи.

Наружныя формы экзамена опредѣлены очень точно, и исполняются строго. Напр., бумага для письменныхъ отвѣтовъ, должна имѣть извѣстный размѣръ и опредѣленную толщину, и правительство продаетъ ее за назначенную цѣну. Въ концѣ работы, кандидатъ долженъ совершенно откровенно написать, сколько буквъ онъ выскоблилъ или измѣнилъ. Если поправокъ болѣе ста, то его исключаютъ изъ списка. Его имя прибивается къ воротамъ кунгіуэна, и онъ болѣе не допускается къ испытанію. То же самое бываетъ, если кандидатъ въ чемъ-либо поступаетъ противъ правилъ испытанія, имѣетъ съ кѣмъ-либо сообщеніе или старается тайно добыть себѣ помощь.

Чрезъ 25 дней послѣ испытанія, объявляются результаты. Въ то время, какъ тысячи съ угнетеннымъ духомъ возвращаются домой, имена немногихъ счастливцевъ съ честью объявляются публикѣ. Это празднество сопровождается шестью выстрѣлами изъ пушекъ, и губернаторъ оказываетъ счастливцамъ еще ту честь, что три раза кланяется ихъ списку, прибитому въ залѣ экзамена. Кромѣ того, списокъ именъ, посылаютъ императору въ Пекинъ, и выдержавшимъ экзаменъ задаютъ пиръ, при которомъ присутствуютъ всѣ экзаминаторы и гражданскіе чиновники всей провинціи. Предсѣдатель экзаминаціонной коммиссіи предсѣдательствуетъ и за столомъ. У него съ правой стороны сидитъ вице-король, а въ лѣвой первый экзаминаторъ. Низшіе чиновники прислуживаютъ, и два мальчика, съ оливковыми вѣтвями въ рукахъ, распѣваютъ пѣсни изъ древнихъ классическихъ книгъ.

Если правительство выказываетъ такое лестное вниманіе къ таланту и знанію, и открываетъ каждому подданному дорогу къ высшимъ почестямъ (продажность государственныхъ мѣстъ при нынѣшней династіи можно считать лишь исключительнымъ явленіемъ), то весьма понятно, что честолюбіе китайца сосредоточивается въ стремленіи привлечь на себя вниманіе отличными познаніями. Оттого не удивительно, что народъ пріобрѣлъ сравнительно гораздо высшую степень образованности, нежели въ самыхъ просвѣщенныхъ государства Европы. Также естественно, что знаніе и образованность пользуются повсюду предпочтеніемъ, и даже сами татары должны преклоняться передъ этимъ духомъ, господ-

ствующимъ въ народѣ. Покорители, конечно, хотѣли продавать государственныя и почетныя мѣста людямъ не свѣдущимъ, но не были въ состояніи избавить ихъ отъ всеобщаго презрѣнія народа. Точно такъ же они могли придать своему войску только второстепенное значеніе. Офицеры или военные мандарины получаютъ чины не по отличіямъ въ наукахъ и даже не за умѣніе вести войско въ бою, но за ловкость въ управленіи оружіемъ, за крѣпкое тѣлосложеніе и личное мужество. Всѣ эти качества, однако, не пользуются въ народѣ большимъ уваженіемъ, почему военный мандаринъ первой степени часто ходитъ пѣшкомъ, между тѣмъ какъ гражданскій мандаринъ четвертой степени считаетъ за униженіе, если его не носятъ четверо носильщиковъ въ носилкахъ.

Какъ ни благотворно дѣйствовали литературныя учрежденія на народъ въ прежнія времена, они, однако, пережили свой вѣкъ, и безъ сомнѣнія составляютъ причину, по которой въ Китаѣ, въ теченіе тысячелѣтій господствуетъ совершенный застой. Сочиненія Конфуція, можетъ быть, вполнѣ соотвѣтствовали потребностямъ его времени, но вмѣненіе въ обязанность знать *только* эти произведенія, для занятія государственнаго мѣста, отнюдь не можетъ содѣйствовать процвѣтанію промышленности, и въ большомъ государствѣ не только обусловливаетъ большія затрудненія, но непремѣнно влечетъ за собою совершенный застой всякаго государственнаго и личнаго развитія.

Я уже замѣтилъ, что правительство съ своей стороны нисколько не заботится о обученіи. Оно не учреждаетъ ни среднихъ, нивысшихъ училищъ, ни университетовъ или спеціальныхъ заведеній. Упомянутые экзамены учрежденія государственныя Они заявляютъ только требованія, предоставляя всякому искать средства къ пріобрѣтенію знаній. Правительство требуетъ у каждаго чиновника, какого бы мѣста онъ ни искалъ, одного и того же, и всѣ знанія, которыя для него обязательны, относятся къ области нравственной философіи, примѣняемой къ политикѣ и къ изящной литературѣ, потому что кандидатъ долженъ умѣть писать стихами. Кромѣ того, требуютъ еще знанія исторіи отечества и политической экономіи, но только прежнихъ вѣковъ, потому что свѣдѣній о политикѣ настоящей династіи, знать на испытаніи не нужно. Представьте же себѣ въ главѣ правленія европейскаго государства теоретическаго философа безъ всякаго знанія существующихъ предметовъ. Представьте себѣ правителя строительной канцеляріи безъ всякихъ понятій о архитектурѣ и рисованіи, или совѣтника судебнаго мѣста, занимающагося поперемѣнно дѣлами почты и солянаго коммисаріата! Если и допустить, что при строгости испытанія въ Китаѣ чиновниками становятся только люди дѣйствительно способные, и что они постепенно осваиваются на занятомъ имъ мѣстѣ съ ходомъ дѣлъ, все-таки они должны быть только посредственные государственные люди по недостатку предварительныхъ спеціальныхъ знаній, постоянно будутъ болѣе или менѣе въ зависимости отъ подчиненныхъ и не сумѣютъ усовершенствовать порученную имъ часть управленія. Пословица, по которой мѣсто краситъ человѣка, примѣнима въ Китаѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо, и должно лишь удивляться, что при такихъ обстоятельствахъ у нихъ все идетъ хорошо.

Уложеніе о наказаніяхъ составляетъ очень дѣйствительное средство, помощью котораго чиновники надзираютъ за безчисленными милліонами подданныхъ. Англичанинъ Серъ Дж. Стаунтонъ, переводчикъ этого уложенія и вмѣстѣ съ тѣмъ способный критикъ отношеній въ Китаѣ, говоритъ: «Въ этомъ уложеніи чрезвычайно поразительна его ясность, логичность и разумность изложенія, краткость и опредѣлительность содержанія, отчетливость и соразмѣрность языка, чѣмъ оно существенно отличается отъ законовъ другихъ азіятскихъ народовъ, и походитъ на европейскія.»

Это сужденіе, безъ сомнѣнія, вѣрно, но не смотря на то, китайскіе законы имѣютъ многіе недостатки. Отеческая заботливость въ нихъ слишкомъ велика, и они вмѣшиваются въ семейные и жизненные вопросы, рѣшеніе которыхъ лучше предоставить сердцу и чувству человѣка. Карая за воровство и смертоубійство, эти законы какъ бы принуждаютъ къ добродѣтели. Такимъ образомъ, въ Китаѣ законы вмѣняютъ въ обязанность посѣщать въ опредѣленное время гробницы предковъ, и грозятъ за пренебреженіе этого предписанія жестокимъ наказаніемъ. Другая ошибка китайскихъ законовъ заключается въ боязливости, съ какою они стараются предвидѣть всевозможные, самые странные случаи. Такая боязливость принуждаетъ иногда къ установленію законовъ ни мало несогласныхъ съ ясностью и отчетливостью, къ которой, очевидно, стремился законодатель. Нѣкоторыя опредѣленія предоставляютъ судьѣ толковать законы совершенно по собственному произволу. Для примѣра приводимъ слѣдующее: «Кто ведетъ себя неприлично и оскорбляетъ духъ законовъ, хотя и не дѣлаетъ ничего противъ нихъ, того наказать не менѣе какъ 40 ударами бамбукомъ; если же поступокъ болѣе серіозный, то не менѣе какъ 80 ударовъ.» По этому видно, какъ трудно избавиться изъ когтей китайскихъ законовъ.

Наказанія за преступленія, какъ я уже замѣтилъ, говоря о ямунахъ, очень строги и жестоки, а именно: удары бамбукомъ по спинѣ и по внутренней поверхности бедръ, тюремное заключеніе съ оковами или безъ нихъ, деревянный воротникъ, казнь обезглавленіемъ, голодною смертью въ клѣткѣ или медленнымъ отсѣченіемъ разныхъ частей тѣла. Послѣднее наказаніе назначается за измѣну особѣ государя или за преступленіе противъ родителей. Одинъ французскій ученый, котораго взяли въ плѣнъ въ началѣ послѣдней китайской войны вмѣстѣ съ англійскимъ консуломъ Паркомъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ съ китайцемъ, который былъ заключенъ уже 19 лѣтъ, за то, что мальчикомъ 8 лѣтъ онъ укусилъ отцу большой палецъ.

Для вынужденія признанія дозволено употреблять пытку, состоящую обыкновенно изъ ударовъ по внутренней сторонѣ бедръ. Присяга китайскому законодательству неизвѣстна, но ложь, сказанная съ намѣреніемъ, наказывается жестоко. Существованіе еще болѣе изысканныхъ жестокостей не подлежитъ сомнѣнію. Я самъ видѣлъ въ Шефу, сѣдаго старца, котораго подозрѣвали въ сношеніяхъ съ мятежниками, какъ его мучили для принужденія къ признанію. Передъ нашимъ приходомъ, онъ уже получилъ 300 ударовъ по бедрамъ, и былъ привязанъ на знойномъ солнцѣ къ столбу за большіе пальцы такъ высоко, что касался земли только носками. Несчастный едва не умеръ, и только наше ходатайство спасло его. Должно замѣтить, что въ то время, при осадѣ города мятежниками, европейцевъ считали чуть не полубогами.

Подобныя мученія и изысканныя наказанія, собственно говоря, незаконны; но въ самомъ дѣлѣ все равно: лишаютъ ли человѣка жизни голодомъ, лишеніемъ сна, медленнымъ отсѣченіемъ членовъ, отрѣзываніемъ вѣкъ или щипаніемъ раскаленными щипцами, одно такъ же безчеловѣчно, какъ и другое, и составляетъ пятно въ законодательствѣ и исполненіи законовъ.

Въ Китаѣ существуетъ только 10 классовъ, которые имѣютъ преимущество, что ихъ казнятъ не иначе, какъ по приговору императора. Къ нимъ относятся родственники государя и высшіе чиновники. Но при нынѣшнемъ состояніи имперіи, каждый можетъ избавиться отъ заслуженнаго наказанія, если онъ только довольно богатъ, чтобы подкупить судей. Также можно найти себѣ намѣстника. Этотъ обычай въ Китаѣ, единственный въ своемъ родѣ, и очень замѣчателенъ. Законъ требуетъ возмездія за всякое преступленіе; но при томъ все равно, претерпитъ ли казнь виновный, — главное, чтобы только было совершено наказаніе. Если богачъ совершаетъ преступленіе, которое подтвердилось при слѣдствіи, то ему достаточно представить за себя намѣстника, который признаетъ себя за преступника, и готовъ претерпѣть казнь. Такое замѣщеніе преступниковъ въ Китаѣ очень употребительно, и за довольно дешевую цѣну находятся люди, готовые жертвовать своею жизнью. Такихъ намѣстниковъ доставляетъ округъ близъ Кантона. За 300 таэлевъ (600 рублей) люди даютъ себя казнить или переносятъ жесточайшія мученія.

Невольно возникаетъ притомъ вопросъ: возможно ли, чтобы люди за плату брались умереть за другаго? Это, однако, можетъ случиться только въ Китаѣ. Я уже замѣтилъ, что семейная и государственная жизнь основана на безусловной покорности, почтеніи и преданности къ родителямъ и главѣ государства Отецъ до своей смерти остается неограниченнымъ господиномъ своихъ дѣтей, если даже они сами уже отцы и дѣды. Дѣти самыми священными законами обязуются заботиться о родителяхъ, если они, по старости и слабости, не способны зарабатывать себѣ пропитанія. Горе сыну, который съ намѣреніемъ заставляетъ родителя терпѣть нужду: его не только ожидаетъ наказаніе, но и народъ считаетъ его презрѣннымъ и отверженнымъ. При чрезвычайной населенности страны, часто встрѣчается невѣроятное богатство возлѣ ужаснѣйшей нищеты. Упомянутый округъ самый бѣдный въ государствѣ, и тамъ почти ежегодно свирѣпствуетъ голодъ. Тысячи семействъ борются въ немъ съ невѣроятными бѣдствіями. Оттого неудивительно, если сынъ, для спасенія жизни умирающихъ родителей и обезпеченія имъ беззаботной будущности, жертвуетъ собою, и съ дѣтскимъ самоотверженіемъ кладетъ свою голову на плаху палача. Онъ умираетъ, благословляемый старцемъ отцемъ и возлюбленною матерью, выполняя крайнюю мѣру обязанностей сына, и тѣмъ надѣется навѣрное получить небесное блаженство.

Поразительный примѣръ тому случился за нѣсколько лѣтъ близъ Кантона. Многіе богатые китайцы, недовольные мандариномъ своего города, уговорились убить его. Провинціальнаго судью выслали противъ нихъ съ войскомъ; но онъ встрѣтилъ грозное сопротивленіе, такъ что не рѣшился напасть на мятежниковъ, и вступилъ съ ними въ переговоры. Чтобы не потерять мѣста и головы, онъ долженъ былъ непремѣнно найти и осудить виновныхъ. Заговорщики сами поняли эту необходимость и, опасаясь сопротивляться долѣе, купили 20 намѣстниковъ, обвинившихъ себя въ предводительствѣ мятежа и ихъ немедленно казнили. Такимъ образомъ всѣ остались довольными. Виновные сохранили жизнь и свободу и избави-

лись отъ преслѣдователя. Судья остался при мѣстѣ и съ головою, спокойствіе возстановилось и законъ удовлетворили.

Весьма хорошая черта китайскаго законодательства заключается въ кротости, съ какою оно назначаетъ наказаніе соучастникамъ преступленія, если они родственники преступника. На основаніи изрѣченія Конфуція: «пусть отецъ скрываетъ преступленія сына, а сынъ вину отца», это справедливо; родныхъ и слугъ, живущихъ подъ одною крышею съ преступникомъ не наказываютъ, если они скрываютъ его преступленіе или содѣйствуютъ его бѣгству. Скрываніе преступленія наказывается безпощадно во всякомъ случаѣ только при мятежѣ или преступленіи противъ особы императора.

По этому видно, что китайское уложеніе состоитъ изъ смѣси хорошихъ и дурныхъ законовъ, кротости и жестокости. Заботясь о споспѣшествованіи благу подданныхъ, они лишаютъ ихъ почти всякой личной свободы, обращаются съ ними какъ съ малыми дѣтьми и не только предостерегаютъ ихъ отъ преступленія, но и понуждаютъ къ добродѣтели. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, законы китайцевъ во всякомъ случаѣ лучшіе въ Азіи, и сдѣлали много добра.

### Китайская армія. Ея вооруженіе и раздѣленіе. Недостатокъ воинственнаго духа въ войскѣ и народѣ. Пренебреженіе военнымъ искусствомъ. Армія мятежниковъ.

Если принять въ соображеніе, что при различныхъ войнахъ, которыя ведутъ съ 1840 года французы и англичане съ китайцами, европейскаго войска находилось тамъ не болѣе 5 или 10,000 человѣкъ, и они постоянно одерживали верхъ надъ китайскими войсками, по числу въ 10 разъ большими, то, разумѣется, нельзя имѣть высокаго понятія объ искусствѣ и храбрости китайцевъ. Кто видѣлъ защитниковъ Срединной Имперіи, тотъ не станетъ удивляться, что ихъ постоянно побѣждаютъ. Нельзя себѣ представить болѣе невоинственнаго учрежденія, какъ китайское войско, и его состояніе болѣе всего объясняетъ преобладающую наклонность къ миру. Вся военная сила при нынѣшнихъ обстоятельствахъ очень смѣшна, и годится только для внутреннихъ потребностей. Да и тутъ она оказывается недостаточною, потому что сотни тысячъ солдатъ, съ самаго начала господства татаръ, воюютъ съ храбрыми горными жителями на югѣ, и не могутъ покорить ихъ. Понынѣ это племя сохранило свою независимость. Въ различныя времена эти горцы принимали огромныя суммы за мнимое подданство, которымъ, высланные противъ нихъ генералы, спасались отъ потери своей головы; но притомъ они все-таки оставались свободными, также какъ за 200 лѣтъ, когда татары покорили Китай. Можетъ быть, въ то время татары были воинственны; теперь же они столько же склонны къ миру, какъ и китайцы. Одежда, дисциплина и вооруженіе неудобны и плохи, и можно положительно сказать, что европейское войско въ 20,000 человѣкъ покоритъ все государство въ теченіе года, точно такъ же, какъ такое же число татаръ исполнило это за 200 лѣтъ.

Въ составъ китайской арміи входятъ татарскія войска, регулярныя китайскія войска и резервъ, также изъ китайцевъ. Татары самые лучшіе и надежные воины, и ихъ можно считать императорскою гвардіею, которая преданнѣе престолу чѣмъ вся остальная армія, тѣмъ болѣе, что они привязаны къ особѣ императора уже по одинаковому съ нимъ происхожденію.

До послѣдняго сильнаго уменьшенія китайской арміи, считалось 80,000 татаръ, раздѣленныхъ на 8 корпусовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ особое знамя инаго цвѣта. Каждый военный татарскій мандаринъ принадлежитъ къ знамени, подъ которымъ служили его предки. Такое раздѣленіе сохранилось въ Китаѣ со времени вторженія манджуровъ въ 1660 году. Обыкновенное вооруженіе татарскаго солдата состоитъ изъ сабли, лука, копья, бердыша и трезубца. Въ мѣсяцъ онъ получаетъ около 3¼ рублей жалованья и ежедневную порцію риса. Цвѣтъ одежды солдата такой же, какъ и его знамени, и состоитъ обыкновенно изъ очень широкаго кафтана съ разлетающимися рукавами. Я видѣлъ въ Кантонѣ татарскую кавалерію, которой находится тамъ 1000 человѣкъ. Въ мое время, однако, она обратилась въ пѣхоту, потому что французы *заняли* у нихъ всѣхъ лошадей. Но уже по длиннымъ кафтанамъ, доходящимъ до лодыжекъ, и по чрезмѣрно широкимъ рукавамъ можно судить, что кавалеристы не очень ловки на конѣ. Впрочемъ, о значеніи китайской конницы можно судить по разбитіи 20,000 кавалеристовъ 5,000 французовъ и англичанъ, которыхъ они совершенно окружили.

Къ 80,000 татаръ присоединяется еще 600,000 китайцевъ, которые, однако, походятъ болѣе на милицію, потому что остаются въ разныхъ своихъ областяхъ, и при военной службѣ обработываютъ почву или занимаются ремеслами. При такой системѣ, разумѣется, невозможно имѣть хорошихъ солдатъ, въ чемъ вполнѣ убѣдили послѣднія войны противъ англичанъ. Китайскія войска подъ зеленымъ знаменемъ разбѣжались при первомъ выстрѣлѣ.

Множество войска существуетъ только на бумагѣ, какъ и во всякомъ дурно управляемомъ

государствѣ. Близъ Шангхаэ есть большая равнина, гдѣ находится на столбѣ хвастливая надпись: «здѣсь стоятъ 10,000 человѣкъ войска; бойтесь и трепещите!» Я посѣтилъ этотъ лагерь, и нашелъ въ немъ едва ли сотню солдатъ. Не смотря на то, губернаторъ Шангхаэ ежегодно посылаетъ въ Пекинъ списокъ этого воображаемаго войска съ означеніемъ заслугъ каждаго офицера и солдата. Правительство жалуетъ достойныхъ чинами, и посылаетъ деньги, нужныя для содержанія арміи и столь рачительно, что не сомнѣвается въ ея существованіи. Управленіе Шангхаэ, конечно, оставляетъ остатки отъ расходовъ для себя.

Нѣкоторые путешественники утверждаютъ, что китайская конница очень многочисленна, но это совершенно ошибочно. Въ прежнія времена татары дѣйствительно нападали на Китай многочисленными толпами конницы, но постепенное разведеніе лошадей ослабѣло, и теперь осталась лишь тѣнь прежняго.

Войско раздѣляется такимъ же образомъ, какъ и въ Европѣ, на дивизіи, бригады, полки, баталіоны и роты въ сто человѣкъ. Генералы живутъ по близости мѣста стоянки ихъ полковъ, которые помѣщаются, по мѣрѣ возможности, въ городѣ, но живутъ, по древнему татарскому обычаю въ палаткахъ. Перевѣса военной власти опасаются въ Китаѣ до такой степени, что часть войска тамъ состоитъ подъ начальствомъ губернатора и вице-губернатора, которыхъ служба по преимуществу административная. Этимъ надѣются ограничить авторитетъ военныхъ мандариновъ и дѣйствительное ихъ могущество. Солдаты ограничиваются только изученіемъ обращенія съ лукомъ, копьемъ и пищалью. При упражненіяхъ въ стрѣльбѣ изъ лука, солдаты становятся около своихъ офицеровъ, которые спокойно сидятъ у себя въ палаткѣ и покуриваютъ трубку. По временамъ подходитъ вызванный солдатъ для полученія приказаній отъ офицера, передъ которымъ онъ становится на колѣни. Послѣ этого каждый стрѣлокъ пускаетъ три стрѣлы въ цѣль, поставленную приблизительно на разстояніи 75 шаговъ возвращается къ офицеру, и становится передъ нимъ на колѣни, чтобы выслушать его похвалу или порицаніе. Упражненія саблями и копьями походятъ у китайцевъ болѣе на игру нежели на военное занятіе. Нѣтъ ничего потѣшнѣе странныхъ положеній и движеній несчастныхъ воиновъ при такихъ упражненіяхъ.

Молодые мандарины, которые намѣрены посвятить себя военному званію, также подвергаются испытанію въ умѣніи ловко управлять оружіемъ и лошадью. По результатамъ такого испытанія, опредѣляютъ и чинъ офицера.

Всѣ военные, начиная отъ рядоваго до генерала дивизіи или тету, могутъ подвергнуться тѣлесному наказанію, и нерѣдко, по приказанію императора, на рынкѣ колотятъ высшихъ офицеровъ бамбукомъ. По этому о военной чести въ Китаѣ нѣтъ и рѣчи, и я былъ въ Шангхаэ свидѣтелемъ, что ея не имѣютъ ни солдаты, ни ихъ предводители. Во время моего пребыванія въ этомъ городѣ прибылъ туда высшій военный мандаринъ съ конвоемъ. Сперва явились два плохоодѣтые солдата съ шляпами сплетенными изъ бамбука наподобіе сахарной головы. На нихъ былъ короткій синій кафтанъ съ темносинимъ воротникомъ, такіе же короткіе панталоны и башмаки. Ихъ вооруженіе состояло изъ заржавленнаго меча не длиннѣе фута, въ деревянныхъ ножнахъ, и щита, сплетеннаго изъ бамбука съ написанною на немъ тигровою головою. За ними слѣдовали 8 знаменщиковъ въ разной одеждѣ. Каждый держалъ по большому треугольному знамени изъ пестрой шелковой матеріи. Послѣ того шли 6 низшихъ мандариновъ; носилки несли генерала четверо солдатъ въ шишакахъ, похожихъ на средневѣковые съ длинными прибавками назади для охраненія затылка отъ ударовъ мечемъ. Благодаря этой предосторожности, китайцы часто обращаютъ къ врагамъ спину. За носилками слѣдовали 60 человѣкъ пѣхоты въ самой пестрой одеждѣ и съ различнымъ вооруженіемъ. Одни имѣли лукъ и стрѣлы, другіе щитъ, третьи пищаль, четвертые ружье съ кремневымъ замкомъ, пятые копье. Одни держали оружіе на правомъ плечѣ, другіе на лѣвомъ, а мечъ гдѣ ни попало, съ ножнами или безъ нихъ. Это шествіе встрѣтилось съ тремя солдатами французскаго 101 полка, поставленнаго въ Шангхаэ для охраненія города отъ мятежниковъ. Они шли безъ оружія были навеселѣ и одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ палку. Онъ подошелъ къ пѣхотѣ, и для забавы принялся сбивать каждому солдату съ головы шляпу. Трусливые китайцы ничѣмъ не мѣшали такой дерзости, и даже самъ генералъ не позаботился приказать французу прекратить неумѣстную шутку.

Многіе умные китайскіе государственные люди, которые развились въ послѣдніе годы отъ сношеній съ европейцами, а въ томъ числѣ и нынѣшній правитель и братъ умершаго императора, принцъ Кунгъ, ни мало не скрываютъ что ихъ войско крайне плохо. По новѣйшимъ извѣстіямъ Кунгъ дѣйствительно намѣренъ преобразовать армію, вооружить ее и обучить поевропейски. Американскіе, французскіе и англійскіе инструкторы, можетъ быть, улучшатъ китайское войско тѣмъ болѣе, что династія манджуровъ находится въ крайней опасности. Ма-

теріялъ для хорошаго войска существуетъ особенно въ сѣверномъ Китаѣ, гдѣ находятся очень здоровые рослые люди; слѣдуетъ только вселить въ китайца воинственный духъ. Во время нашего пребыванія въ Тіентсинѣ, принцъ Кунгъ сдѣлалъ первую попытку пробудить въ солдатахъ честолюбіе раздачею медалей всѣмъ тѣмъ, которые принимали участіе въ войнѣ съ соединенными западными государствами. Опытъ удался вполнѣ. Сначала украшенные медалями стали много разсуждать о нихъ, но уже чрезъ нѣсколько недѣль считали за честь носить знакъ отличія, а этимъ уже много выиграно.

Изученіемъ военнаго искусства, тактикою и стратегіею совершенно пренебрегаютъ, хотя объ этихъ предметахъ существуютъ книги. Изъ нихъ англичанамъ попалось въ руки, во время войны за опій, сочиненіе подъ заглавіемъ *Руководство солдата*, въ которомъ изложены начальныя правила походовъ, постройки мостовъ, расположенія лагеря, постройки полевыхъ укрѣпленій и рекогносцировки. Въ той же книгѣ описано употребленіе разнаго оружія, способъ начинанія битвы и веденіе отступленія, выказана польза шпіоновъ, и расхвалены солдаты, не трепещущіе при началѣ битвы. Съ немногими исключеніями китайскій солдатъ, однако, не пріобрѣтаетъ способности идти на бой отважно, такъ же какъ и мандарины не пріучаются поступать совершенно согласно съ нравственнымъ ученіемъ Конфуція.

Крѣпостныя постройки китайцевъ находятся въ первобытномъ состояніи, какъ я убѣдился при посѣщеніи укрѣпленнаго лагеря, устроеннаго у Вусунга, потому что по близости находились мятежники. На разстояніи нѣсколькихъ миль, лагерь былъ видѣнъ по сотнямъ разставленныхъ знаменъ. Вообще знамена играютъ въ китайскомъ войскѣ важную роль, и кажется, будто они считаютъ себя тѣмъ отважнѣе, чѣмъ больше въ полку знаменъ. Въ каждой ротѣ ихъ по крайней мѣрѣ 15, а у мятежниковъ, осаждавшихъ при насъ Чефу, почти на каждыхъ трехъ человѣкъ приходилось по знамени. Послѣднія сдѣланы изъ треугольныхъ кусковъ красной, желтой, зеленой или бѣлой шелковой матеріи, и исписаны буквами. Семь различныхъ большихъ знаменъ означали столько же лагерей, расположенныхъ на пространствѣ около мили въ окружности. Мы посѣтили самый большой. Въ серединѣ стояли деревянные лѣса вышиною футовъ въ 30 съ будкою для часоваго, который могъ видѣть на значительное разстояніе окрестности, и могъ объявлять обо всемъ необычайномъ. Впрочемъ внимательность сторожеваго, кажется, не очень велика, потому что онъ замѣтилъ насъ только, когда мы перешли уже черезъ гласисъ и первый крѣпостной ровъ. Я употребляю здѣсь выраженія, примѣняемыя къ нашимъ крѣпостнымъ постройкамъ, но при этомъ не должно разумѣть вполнѣ то же самое. Каждый китайскій лагерь занималъ пространство около $^2/_3$ десятины, былъ круглъ и окруженъ рвомъ въ 12 футовъ шириною, черезъ который лежало, вмѣсто подъемнаго моста, бревно, проходимое только для одного человѣка. Этотъ ровъ былъ случайно мокръ, потому что недавно передъ тѣмъ шелъ дождь, впрочемъ вода въ немъ не имѣла болѣе фута глубины. За рвомъ слѣдовалъ первый валъ, возведенный изъ ила рва вышиною въ 8 футовъ, съ парапетомъ и бойницами, но безъ пушекъ. Вмѣсто палиссада за этимъ валомъ лежали тернистые кусты, а за ними второй ровъ и второй валъ такого же устройства, какъ и первый. Послѣ этого вступили мы въ настоящій лагерь, состоящій изъ 60 палатокъ по 10 человѣкъ въ каждой. Это, вѣроятно, составляло баталіонъ. Входъ въ лагерь прикрытъ орудіемъ, которое поставлено на внутренней стѣнѣ, и украшено неизбѣжнымъ краснымъ лоскуткомъ. Въ этомъ заключалось однако все ужасающее пушки, потому что при ближайшемъ осмотрѣ она оказалась предметомъ самымъ невиннымъ. Она имѣла фунтовой калибръ и почтенную старость, не менѣе 200 лѣтъ, и вѣроятно долго лежала въ водѣ. Ея затравка до того заржавѣла, что ее можно было считать несуществующею. Во всякомъ случаѣ изъ этого орудія никакъ нельзя было стрѣлять, если бы даже имѣли для того запасы пороха и ядеръ, вовсе не существовавшихъ. Я спросилъ командующаго мандарина, не продастъ ли онъ мнѣ этой древности. По-видимому, командиръ былъ не прочь принять мое предложеніе, но не смѣлъ отдать мнѣ пушку открыто днемъ, а до вечера я не могъ оставаться.

Палатки сдѣланы очень хорошо, многія съ двойными стѣнами изъ бумажной ткани, и стоятъ на деревянныхъ поставахъ. Палатка мандарина была особенно просторна, состояла внутри изъ двухъ комнатъ и даже имѣла деревянную кровать. Во многихъ палаткахъ рядовыхъ не находилось и соломы: солдаты лежали на голой землѣ.

Казалось, что стоящія тутъ войска отборныя, потому что всѣ солдаты имѣли огнестрѣльное оружіе. Конечно не слѣдуетъ представлять себѣ, что это были ружья Миніе или энфильдскія; напротивъ того, они были гораздо менѣе ужасны, нежели эти новѣйшіе убійственные инструменты, и большею частью казались совершенно безвредными. Дѣйствительно я видѣлъ только самыя первобытныя пищали. Такое оружіе представляетъ новое доказательство

мирныхъ наклонностей китайцевъ, потому что воинственный народъ ни за что не пойдетъ съ такимъ вооруженіемъ даже противъ самаго трусливаго непріятеля. Мы осмотрѣли съ пятьдесятъ такихъ почтенныхъ памятниковъ древности, и нашли, что изъ нихъ годилосьдля употребленія не болѣе десяти. У большей части затравка заржавѣла, у другихъ не было части или всего замка, и всѣ уже издавна не были въ употребленіи, хотя казалось, что ихъ желали пустить въ дѣло, потому что въ одной палаткѣ солдаты приготовляли порохъ. Эти работники ежеминутно убѣгали отъ своего занятія, чтобы покурить трубку, и оттого мы предпочли какъ можно скорѣе удалиться отъ такого опаснаго сосѣдства. Въ Китаѣ нѣтъ пороховыхъ заводовъ. Весь порохъ приготовляютъ въ полѣ, и берутъ съ собою только нужныя для того вещества. Смѣсь въ китайскомъ порохѣ почти такая же, какъ и въ европейскомъ (именно 757 частей селитры, 148 ивоваго угля и 99 сѣры), но онъ приготовленъ хуже. Мятежники весьма умно поступаютъ, предпочитая платить по 5 рублей за фунтъ англійскаго пороха, нежели дѣлать его въ лагерѣ.

Солдаты довольно крѣпкіе, рослые люди. Многіе были въ желтыхъ мундирахъ съ синими отворотами и съ гербомъ императора на груди и на спинѣ, величиною въ футъ, впрочемъ въ числѣ рядовыхъ находились многіе старцы и вообще они вовсе не имѣли воинственнаго вида.

Укрѣпленія Тану, которыя я посѣщалъ позже состояли изъ землянаго вала, выложеннаго для большей прочности бревнами изъ дерева тика. Главная охрана крѣпостей заключалась въ водѣ и болотахъ, посреди которыхъ они стояли, но съ одной стороны они были совершенно открыты, и англичане взяли бы ихъ тотчасъ же, если бъ они не пошли по болотамъ, почему и были разбиты.

Артиллерія китайцевъ не лучше всего остальнаго. Орудія, приготовленныя въ Китаѣ очень грубы, не просверлены, а только литы въ формѣ, посреди которой кладутъ кусокъ дерева такой толщины, какой желаютъ имѣть калиберъ. Это дерево часто бываетъ сыро, и причиняетъ быстрое охлажденіе внутренней части чугуна, отчего возникаютъ неровности и даже трещины. Орудія, привезенныя за дорогія деньги изъ заграницы, не лучше, изготовлены по разнымъ системамъ, и содержатся очень плохо.

Только этими фактами объясняются быстрые успѣхи военныхъ дѣйствій западныхъ государствъ въ Китаѣ. Конечно не трудно одержать побѣду съ солдатами, привыкшими къ дисциплинѣ и снабженными новымъ оружіемъ, въ борьбѣ съ беззащитными людьми.

Въ этомъ отношеніи положеніе мятежниковъ гораздо лучше. Они обладаютъ новымъ оружіемъ, которое вполнѣ оцѣниваютъ и которымъ умѣютъ владѣть. Оттого они и держатся, при всей своей малочисленности, и часто разбиваютъ громадныя императорскія войска. Не смотря на плохое вооруженіе и незнаніе тактики, татарскія войска нельзя считать трусливыми. Въ послѣдніе годы часто случалось, что эти войска упорно выдерживали самую сильную пальбу картечью, и не отступали пока на нихъ не шли въ штыки. Противъ штыковъ они устоять не могутъ. Нравственное дѣйствіе массы желѣза, направленнаго на нихъ, заставляетъ татаръ бѣжать. Мятежники также часто одерживаютъ побѣду, потому что имѣютъ многіе полки, вооруженные штыками. Кромѣ того у мятежниковъ лучшіе предводители, нежели у противниковъ, которые вовсе не считаютъ предпріимчивой отваги и мужества отличными качествами офицера. Въ императорскомъ войскѣ каждый генералъ можетъ подвергнуться публичному тѣлесному наказанію, или быть приговореннымъ носить деревянный воротникъ. Уже одно это обстоятельство убѣждаетъ, что такіе вожди не могутъ имѣть большаго нравственнаго вліянія на солдатъ. Напротивъ того, у мятежниковъ каждый офицеръ также чиновникъ и наоборотъ, почему онъ относительно народа занимаетъ такое почетное положеніе, какъ гражданскіе мандарины императора.

### Противоположность китайцевъ относительно европейцевъ. Характеристика китайскаго народа по его обычаямъ и нравамъ. Празднества. Новый годъ. Празднество умершихъ. Празднество фонарей. Забавы.

Описавъ въ предъидущихъ главахъ Кантонъ, который вообще походитъ на всякій другой большой китайскій городъ, и изложивъ общія отношенія въ государствѣ, на сколько я считаю ихъ интересными для читателей, перехожу къ нѣкоторымъ подробностямъ нравовъ, обычаевъ и особенностей интереснаго народа, причемъ представляю то, что успѣлъ видѣть въ серединной имперіи въ теченіе 11 мѣсячнаго пребыванія.

Одинъ путешественникъ, въ небольшомъ своемъ сочиненіи, пишетъ слѣдующее: «При моемъ вопросѣ у лодочника, гдѣ лежитъ Макао, онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ *западо-сѣверъ*, а вѣтеръ теперь дуетъ *восточно-южный*. Мы говоримъ въ Европѣ, не такъ подумалъ я, но удивился еще болѣе, когда мнѣ объяснили, что компасъ указываетъ въ Китаѣ на югъ. Чтобы перемѣнить предметъ разговора, я замѣтилъ, что вѣр-

но лодочникъ отправляется къ какому нибудь торжеству, и оттого надѣлъ совершенно бѣлое платье. Онъ возразилъ мнѣ съ презрительнымъ взглядомъ, что недѣлю тому назадъ умеръ его братъ, и оттого онъ одѣлся въ глубочайшій трауръ. По выступленіи на берегъ, мое вниманіе привлекъ прежде всего военный мандаринъ въ шитой юпкѣ, жемчужномъ ожерельѣ и съ вѣеромъ, но безъ оружія. Онъ садился верхомъ на лошадь съ правой стороны. Я осматривалъ туземцевъ, и замѣтилъ, что у всѣхъ стриженыя головы, а у многихъ на лицѣ оставлены всѣ волосы. На пути къ дому, гдѣ я намѣревался остановиться, мнѣ повстрѣчались два мальчика, которые очень серіозно разсуждали о правѣ, которое каждый изъ нихъ имѣетъ на апельсинъ. Споръ сопровождался живѣйшими движеніями, и кончился тѣмъ, что они отошли къ сторонѣ, и раздѣлили между собою плодъ поравну. Нѣсколько далѣе я увидѣлъ сѣдобородыхъ китайцевъ съ огромными очками, которые пускали бумажнаго змѣя, между тѣмъ какъ группа дѣтей съ серіознымъ вниманіемъ слѣдила за невиннымъ занятіемъ старцевъ.

«Я рѣшился переносить всѣ эти странности, и нашелъ на слѣдующій день китайскаго учителя, который къ счастью зналъ нѣсколько по англійски. Мнѣ было извѣстно, что китайскій языкъ не имѣетъ азбуки, но я не ожидалъ, что мой учитель, открывъ книгу, примется читать ее сзади. Чтеніе онъ началъ со времени появленія книги въ свѣтъ: «пятаго года, десятаго мѣсяца, двадцать третьяго дня!» Я замѣтилъ ему, что мы означаемъ время иначе, и просилъ сообщить мнѣ кое-что о китайскихъ церемоніяхъ. «Если вы» сказалъ онъ мнѣ, въ Китаѣ принимаете знатнаго гостя, то не забывайте сажать его по лѣвую сторону, потому что это мѣсто почетное. Не осмѣливайтесь обнажать при немъ голову, это считается признакомъ неприличной короткости въ обхожденіи.» Во время нашей бесѣды рѣчь зашла о китайской философіи. Взявъ въ руки книгу, учитель прочиталъ мнѣ съ важностью, «Самые ученые люди согласны, что мѣсто человѣческаго разума въ желудкѣ.» Это превосходило уже всякую мѣру; я въ отчаяніи схватилъ книгу и выбѣжалъ изъ комнаты...»

Очевидно, авторъ соединилъ различныя странности въ одну картину, но онъ ничего не преувеличилъ, и все сказанное дѣйствительно существуетъ въ Китаѣ. Неправда только, что китайцы полагаютъ умъ въ желудкѣ: они считаютъ сердце оболочкою разсудка. Во всякомъ случаѣ представленная картина весьма хорошо выказываетъ, во сколькихъ отношеніяхъ китайцы противоположны европейцамъ. Именно потому для насъ очень трудно судить объ этомъ народѣ вѣрно. Особенно передъ чужеземцами они выказываютъ себя вовсе не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ. Только кто знаетъ языкъ китайцевъ, и въ теченіе годовъ имѣетъ съ ними частыя сношенія, въ состояніи пояснить такія противоположности, которыя кажутся намъ столь загадочными. По этому я ограничусь описаніемъ характера китайцевъ только въ томъ отношеніи, въ какомъ онъ выражается въ нравахъ и обычаяхъ.

Начнемъ съ праздниковъ китайцевъ. Можетъ быть, ни у одного народа нѣтъ такъ мало праздниковъ какъ у китайцевъ. Собственно говоря, во всей имперіи торжествуютъ только новый годъ и память умершихъ. Послѣднее однако болѣе религіозный обычай, и ограничивается однимъ днемъ, а первое длится двѣ недѣли, имѣетъ вліяніе на всѣ общественныя отношенія и прерываетъ всѣ дѣла, что въ Китаѣ важнѣе чѣмъ во всякой другой странѣ.

Праздникъ новаго года начинается въ тотъ день, когда солнце пересѣкаетъ 15° сѣверной широты, слѣдовательно около 10 февраля (29 января по старому стилю). Уже за 10 дней начинается застой въ дѣлахъ. Старыя спѣшатъ окончить, а новыхъ не предпринимаютъ. Обычай, освященный тысячелѣтнимъ существованіемъ, вмѣняетъ каждому жителю небесной имперіи въ нравственную обязанность очистить всѣ счеты, расплатиться и вообще привести всѣ дѣла въ окончательный порядокъ. Этотъ законъ до того строгъ, что китаецъ, который не выполняетъ его, презирается, какъ человѣкъ безчестный. Оттого общественное мнѣніе вынуждаетъ къ выполненію того, чего не могутъ произвесть въ просвѣщенныхъ странахъ Европы жалобы и арестъ за долги. Въ этомъ отношеніи купцы до того точны, что уже за нѣсколько недѣль до новаго года не предпринимаютъ ни какого новаго дѣла, и по возможности стараются покончить старыя. Это конечно для многихъ крайне затруднительно, но вообще всякій начинаетъ годъ съ облегченнымъ сердцемъ, и это празднество оттого дѣйствительно радостно.

Вечеромъ, наканунѣ новаго года, никто не ложится спать, и когда въ сторожевыхъ домахъ раздаются звуки гонговъ, возвѣщающихъ полночь, начинается величественное сожиганіе фейерверочныхъ швермеровъ, такъ что въ короткое время весь воздухъ наполняется пороховымъ дымомъ. Эти фейерверочныя трубки толщиною въ мизинецъ, неизбѣжны при праздникахъ китайцевъ, и ихъ приготовляютъ въ невѣроятно огромномъ числѣ. Швермеры нанизываютъ сотнями и тысячами на веревочки и зажигаютъ, отчего они съ трескомъ сгараютъ

одинъ послѣ другаго. Говорятъ что на ихъ выдѣлку тратятъ въ годъ полтора милліона пудовъ пороху, но мнѣ кажется, что и этого слишкомъ мало, судя по тому, что я видѣлъ въ новый годъ, тѣмъ болѣе, что ихъ вывозятъ цѣлыми кораблями въ Сѣверную Америку, гдѣ такъ же шумно празднуютъ день основанія независимости республики. Основная мысль при этомъ у китайцевъ разогнать хлопаньемъ злыхъ духовъ, которыми, по ихъ мнѣнію, земля переполнена. На самомъ же дѣлѣ эти фейерверки доставляютъ не мало пользы, потому что огромное количество пороховаго дыма вѣроятно уничтожаетъ губительныя повѣтрія.

Съ ранняго утра, каждый въ Китаѣ занятъ подготовленіемъ дома къ празднеству священной церемоніи. Всѣ жилища очищаютъ сверху донизу; передъ алтаремъ домашнихъ боговъ, становятъ огромныя фарфоровыя чаши съ жирными кушаньями, оливками, лимонами, искусственными и естественными цвѣтами, особенно нарцисами, которые находятся во всякомъ домѣ и цвѣтутъ именно къ новому году; одѣваются въ лучшую одежду, и господинъ часто не узнаетъ собственнаго слуги, гордо идущаго въ праздничномъ нарядѣ. Самый бѣдный кули, весь годъ ходившій въ лохмотьяхъ и босой или въ самыхъ плохихъ сандаліяхъ, одѣвается въ новый годъ въ синій починенный кафтанъ изъ нанки, и обувается въ бѣлые чулки, доходящіе до колѣнъ, и въ башмаки изъ войлока. Щетинистые волосы, сбриты уже наканунѣ, и черепъ въ рѣдкомъ блескѣ, между тѣмъ какъ коса, удлиненная чужими волосами и лентами, доходитъ до самой земли. Всякій, кто сколько нибудь имѣетъ притязаніе на благосостоятельность, является въ шелкѣ и мѣху. Часто богачъ одѣтъ въ три шубы, цѣною до 1,000 рублей, а на головѣ у него мѣховая шапка съ красною шелковою кистью.

Въ храмѣ остаются не болѣе пяти минутъ. Тамъ приносятъ въ жертву нѣсколько мѣдныхъ монетъ, которыя кладутъ въ копильницу храма. У такой копильницы сидитъ гладко выстриженный буддайскій жрецъ съ безмысленнымъ выраженіемъ лица, пуская дымъ изъ чубука съ мѣдною трубкою. Молящійся дѣлаетъ затѣмъ нѣсколько поклоновъ и колѣнопреклоненій передъ главнымъ идоломъ, вѣшаетъ у алтаря жертву сайзисъ изъ серебряной бумаги, и уходитъ. Молитва требуетъ много времени, и оттого это занятіе предоставляютъ жрецамъ. Главное дѣло въ новый годъ: забавы, музыка, игры, ѣда, питье и визиты. Сайзисомъ называется кусокъ серебра, въ видѣ лодки, цѣною обыкновенно въ 20 доллеровъ. Это единственная китайская серебряная монета. Къ новому году дѣлаютъ милліоны подобныхъ лодочекъ изъ серебряной бумаги, и вѣшаютъ ихъ къ алтарю боговъ, чтобы они въ теченіе года возвратили подарокъ настоящимъ серебромъ. Китайцы, такъ сказать, стараются обмануть боговъ. Во всякомъ случаѣ жрецы дѣлаютъ при этомъ хорошія дѣла: они снимаютъ съ алтаря бумажные сайзисы и пускаютъ ихъ въ продажу, а храмы въ Шангхаѣ, которые я посѣщалъ въ новый годъ, чрезвычайно грязны и идолы окурены точно трубочисты. При входѣ туда должно беречься, что бы не запачкать одежды. Двери передъ храмами походятъ на ярмарки. Лавки и столы стоятъ рядами и нагружены сластями, до которыхъ китайцы большіе охотники, сайзисами, курительными палочками и цвѣтными жертвенными свѣчами. Тутъ же играютъ въ разныя азартныя игры. Множество зрителей и жадная внимательность играющихъ свидѣтельсвуютъ о большой наклонности китайцевъ къ игрѣ. Послѣ жертвоприношенія богамъ, они, по-видимому, желаютъ испытать, имѣла ли ихъ жертва дѣйствіе. Различныхъ предсказателей едва ли меньше игорныхъ лавокъ. Около ихъ столовъ стоитъ также тѣсная толпа. Хитрость выманиваетъ тутъ деньги у глупости и суевѣрія, самымъ безошибочнымъ образомъ.

Въ чайныхъ домахъ господствуетъ также самая живая дѣятельность, и они совершенно полны. У безчисленныхъ столовъ сидятъ мужчины, женщины, дѣти, пьютъ горячій чай, ѣдятъ земляные орѣхи, печенья или жареныя сѣмена подсолнечника. Вся комната наполнена густымъ облакомъ табаку и опія, какъ туманомъ, и отъ безконечнаго говора, трудно разслышать сосѣда.

Послѣ посѣщенія храмовъ, самое важное дѣло визиты, въ сравненіи съ которыми наши новогодные визиты ничтожны. У насъ вся церемонія ограничивается почти однимъ днемъ и посѣщеніемъ ближайшихъ родственниковъ и начальниковъ; въ Китаѣ это занятіе длится, по крайней мѣрѣ, недѣлю. Точно, какъ у насъ на святой недѣлѣ, люди, которые едва знаютъ другъ друга, встрѣчаются чрезвычайно ласково, какъ старые знакомые. Бѣдные и богатые, простолюдины и знатные, желаютъ другъ другу счастія совершенно безкорыстно, т. е. бѣдные не ожидаютъ отъ богатыхъ ни какого подарка.

Передъ каждымъ домомъ останавливаются носилки, обвѣшенныя толстыми пачками красныхъ визитныхъ картъ. Красный цвѣтъ въ Китаѣ цвѣтъ радости и вѣжливости. Только траурныя письма пишутъ на бѣлой бумагѣ. Новогодныя визитныя карты довольно крупны, и на нихъ напечатанъ символъ высшихъ земныхъ благоденствій, которыя, по понятіямъ китайцевъ, заключаются въ потомствѣ мужскаго пола, государ-

ственномъ мѣстѣ, повышеніи въ чинѣ и долголѣтіи. Эти три желанія изображаются фигурами мальчика, мандарина и старца съ листомъ. Въ каждомъ домѣ посѣтителя угощаютъ чаемъ и бетелемъ и повсюду на улицахъ видно, какъ раскланиваются и дѣлаютъ другъ другу комплименты, притворяясь, что пытаются удержать другъ друга отъ выраженія учтивости. Къ новому году знакомые надѣляются взаимно подарками, которые состоятъ изъ рѣдкихъ плодовъ, варенья и разныхъ украшеній. Дарящій имѣетъ при себѣ списокъ вещей на красной бумагѣ, на которой принявшій расписывается, что получилъ подарокъ съ благодарностью. При этомъ, слугѣ всегда даютъ награжденіе за доставленіе подарка.

Память умершихъ празднуется два раза въ годъ. Мы видѣли это празднество въ двухъ мѣстахъ, въ августѣ въ Сингапорѣ, и въ апрѣлѣ въ Шангхаѣ. Въ обоихъ случаяхъ мы не замѣтили большой разницы. Китайцы питаютъ глубокое почтеніе къ усопшимъ, и празднество памяти мертвыхъ составляетъ выраженіе этого чувства, которое еще поддерживается уложеніемъ о наказаніяхъ. Законы предписываютъ, однако, только украшеніе могилъ, и оттого въ день торжества всѣ отправляются на кладбища, для выполненія предписанія. Кто только можетъ, беретъ для украшенія цвѣты, и зрѣлище чрезвычайно привлекательно, когда кладбище внезапно обращается въ цвѣтникъ. Кромѣ того, на каждую могилу кладутъ пучекъ полосъ пестрой или бѣлой бумаги въ доказатель ство, что каждый выполнилъ свою обязанность.

Этимъ ограничивается серіозная часть церемоніи, которая ни сколько не прерываетъ ежедневныхъ занятій. Настоящее празднество начинается только вечеромъ. Китайскія вѣрованія воздерживаются отъ всего отвлеченнаго, и обращаютъ болѣе вниманія на чувственное, оттого праздникъ памяти мертвыхъ не болѣе, какъ случай, чтобы болѣе поѣсть. Къ пиршеству приглашаютъ, и умершихъ, посредствомъ пѣнія и музыки. Самый страшный шумъ и блескъ китайцевъ главное при всякомъ торжествѣ, почему сожигаютъ тысячи швермеровъ, освѣщаютъ улицы сотнями свѣчей у каждыхъ дверей, и ударяютъ въ гонги и другіе шумные инструменты. Къ вечеру разставляютъ на улицѣ столы, рядами, иногда въ 300 футовъ. Кто только можетъ, доставляетъ средства для нагруженія столовъ кушаньемъ, и сознаюсь, что я въ жизни не видалъ такого множества блюдъ. Кухонное искусство многихъ народовъ ничтожно въ сравненіи съ китайскимъ. Начиная отъ 10 пудовой свиньи до фрикасе изъ лягушечьихъ бедръ, фаршированныхъ крысъ и салата изъ дождевыхъ червей,—все было расположено такъ красиво и аппетитно, что по губамъ текли слюнки. Въ промежуткахъ въ 6 футовъ, стояли пирамиды пирожнаго, вышиною въ 8 футовъ, изъ которыхъ особенною оригинальностію отличались приготовленныя изъ лапши. Всего же замѣчательнѣе былъ горный ландшафтъ, изготовленный только изъ мяса и жира. Вогнутыя реберныя части свиней и барановъ, представляли пещеры, а большіе куски мяса, покрытые сальникомъ скалы, горы и ледники. Одни листья были настоящіе, но и они висѣли на стволахъ изъ костей. Все было сдѣлано такъ искусно, что только вблизи я отличалъ странный матеріялъ. Въ расположеніи блюдъ господствовалъ большой порядокъ. Сперва стояли огромныя свиньи, жаренныя цѣликомъ, съ букетами розъ въ мордѣ. Противъ нихъ были расположены бараны и козы, приготовленные такимъ же образомъ. За тѣмъ слѣдовала всякая дичь, домашнія птицы разныхъ видовъ и способовъ приготовленія, рыба, безчисленные виды исполинскихъ пудинговъ, пироги, овощи, блюда невыразимыхъ исключительно китайскихъ кушаньевъ, и въ заключеніе легіонъ салатовъ. Мнѣ кажется, что нѣтъ растенія, котораго китайцы не употребляютъ для салата. Мы насчитали болѣе 130 сортовъ. Вотъ разнообразіе! Во всѣ кушанья были воткнуты неизбѣжныя курительныя палочки, которыхъ дымъ густымъ облакомъ стлался надъ столами, освѣщенными цвѣтными фонарями, и портилъ воздухъ на разстояніи 30 шаговъ.

Около 8 часовъ вечера, когда все было готово, явились разные бонзы въ желтыхъ кафтанахъ съ длинными рукавами. Одежда ихъ, однако, была точно такъ же, какъ и ея обладатели, давно не мыта. Такихъ жрецовъ пришло трое, и вмѣстѣ съ флейтистомъ, они заняли мѣста, у верхняго конца стола. Здѣсь устроили странную пищу. Она состояла изъ двухъ столовъ. На одномъ изъ нихъ лежала битая свинья, а на другомъ коза. Оба животныя были гладко выбриты, имѣли во рту по лимону и ихъ изукрасили цвѣтами. Верховный жрецъ разставилъ передъ собою чаши съ рисомъ, маисомъ и земляными орѣхами, и началъ страшнымъ голосомъ распѣвать молитвы, которыя, какъ мы позже узнали, состояли изъ приглашенія мертвыхъ принять предлагаемое имъ кушанье. По временамъ изъ чашъ выкидали нѣсколько зеренъ на землю. Пѣніе сопровождалось звуками флейты, а оба бонза ударяли въ тазъ и кастаньеты. Церемонія приглашенія съ промежутками длилась почти до 10 часовъ. Умершіе не являлись къ пиршеству, устроенному въ ихъ честь, и оттого рѣшились не ждать ихъ болѣе. Кушанье сняли со стола и раздали, въ домѣ начальниковъ участковъ города, бѣднымъ. Навѣрное въ тотъ вечеръ ни одинъ бѣднякъ не

легъ спать голодный. Доставившіе эти кушанья, однако, также собрались для пиршества и такъ усердно занимались ими, что на другой день почти всѣ лавки остались запертыми.

При первомъ полнолуніи послѣ новаго года, бываетъ праздникъ фонарей, который однако, не имѣетъ ни религіознаго, ни общественнаго значенія: это не болѣе какъ выставка всевозможныхъ фонарей, столь важныхъ у китайцевъ. Во всякой комнатѣ, въ переднихъ, у дверей, въ садахъ и бесѣдкахъ виситъ множество фонарей изъ разнаго матеріяла и всякихъ размѣровъ и цвѣтовъ. Каждый кули носитъ вечеромъ фонарь, а у торгашей размѣщены надъ столомъ по три или по четыре. Передъ носилками богачей часто несутъ дюжину фонарей съ именемъ ихъ владѣльца. Въ день празднества, которое длится только одинъ вечеръ, и вообще не имѣетъ особаго вліянія на народную жизнь, всякій старается показать искусный фонарь, чтобы возбудить удивленіе толпы. Передъ домами богачей становятъ стволы бамбука, вышиною въ 7 или 8 саженъ, съ перекладинами, увѣшанными множествомъ цвѣтныхъ фонарей, и похожими на исполинскія рождественскія ёлки. Въ этотъ день являются разнообразныя животныя, устроенныя такимъ образомъ, что они движутся отъ вытекающаго горячаго воздуха. Исполинскаго дракона, символъ всего хорошаго въ Китаѣ, длиною въ 8 или 11 саженъ, несутъ по улицамъ съ торжествомъ на бамбуковыхъ палкахъ, что составляетъ великолѣпное зрѣлище. Точно раскаленная змѣя, драконъ извивается медленно по всему городу, и движенія носильщиковъ придаютъ жизнь этому причудливому фонарю.

Не смотря на лунный свѣтъ, многія тысячи фонарей, колеблющихся на бамбуковыхъ палкахъ высоко надъ домами, составляютъ величественное и очаровательное зрѣлище, и я не забуду внечатлѣнія, которое произвелъ на меня Шангхай, плавающій въ морѣ свѣта.

Въ іюнѣ бываетъ въ Кантонѣ еще празднество, родъ гонки лодокъ, одна изъ немногихъ гимнастическихъ игръ китайцевъ, которые хотя очень дѣятельны, но не охотники забавляться тѣлодвиженіями. При этомъ празднествѣ ѣздятъ въ длинныхъ узкихъ лодкахъ, построенныхъ богачами только для этого случая. Въ нихъ сидятъ отъ 40 до 80 гребцовъ, которые ударяютъ веслами въ тактъ по ударамъ въ гонгъ. Душевное волненіе и стремленіе выиграть призъ, при этомъ случаѣ до того велико, что почти всегда нѣсколько лодокъ тонетъ.

Кромѣ упомянутыхъ общенародныхъ торжествъ и домашнихъ праздниковъ рожденія, свадьбы и т. п., китайцы не имѣютъ ни воскресеній, ни другихъ праздничныхъ дней. Они забавляются и разсѣваются внѣ дома въ театрахъ и чайныхъ домахъ или занимаясь играми, которыя мы предоставляемъ дѣтямъ. Особенно любятъ взрослые и старики пускать бумажныхъ змѣевъ, которые, впрочемъ, такъ прекрасны, что и у насъ могли бы забавляться ими взрослые. Китайцы дѣлаютъ для этого всякія фигуры мужчинъ, женщинъ съ дѣтьми на рукахъ, корабли съ парусами, животныхъ, издающихъ звуки хищныхъ птицъ съ распростертыми крыльями и т. д., до того натурально, что особенно птицъ можно принять за настоящихъ. Самая большая фабрика такихъ змѣевъ, находится въ Кантонѣ, гдѣ ихъ особенно красиво выдѣлываютъ татарскіе солдаты.

## Сватовство. Домашнія отношенія. Нужда простолюдиновъ. Смерть и погребеніе главы семейства. Могила.

Кромѣ упомянутыхъ празднествъ очень важны домашнія торжества въ жизни китайцевъ. Три главные отдѣла жизни, рожденіе, бракосочетаніе и смерть, сопровождаются особыми обрядами.

Всего радостнѣе и важнѣе свадьба: уже при самомъ нѣжномъ возрастѣ дѣтей, родители заботятся о приведеніи въ порядокъ основанія будущаго ихъ семейства. По мнѣнію китайцевъ, Юэлау, котораго они представляютъ себѣ въ болѣе темныхъ частяхъ луны, связываетъ шелковымъ шнуркомъ всѣхъ, которымъ назначена жизнь на землѣ уже до ихъ рожденія, и ничто не въ состояніи разъединить ихъ. Задача родителей и родственниковъ заключается въ открытіи дѣтей, которымъ предопредѣлено соединиться бракомъ.

Оттого этимъ труднымъ дѣломъ занимаются уже заблаговременно большею частью подъ руководствомъ сватовъ изъ родственниковъ или свахъ, женъ актеровъ. Эти женщины занимаются сватовствомъ, какъ ремесломъ, въ опредѣленныхъ участкахъ города. Онѣ въ подробности знаютъ семейства и людей въ своемъ околоткѣ и потому могутъ доставить самыя точныя свѣдѣнія о ихъ состоятельности и прочемъ, что считается особенно важнымъ въ подобныхъ случаяхъ. Равенство чина и положенія въ свѣтѣ считается настоятельною необходимостью для народа и четы, и безъ нихъ бракосочетаніе не возможно. Впрочемъ, при высокомъ уваженіи китайцевъ къ учености, всякій отличный молодой ученый, если бы даже онъ происходилъ отъ простолюдина, можетъ смѣло просить руки самой знатной дѣвушки: отказа изъ-за его предковъ не будетъ. Если родители полагаютъ, что нашли

для своихъ дѣтей суженаго или суженую, то принимаются разспрашивать гадальщиковъ, которые предсказываютъ будущую судьбу молодыхъ людей. Если предвѣщаніе благопріятно (что конечно зависитъ отъ платы прорицателю), то все въ порядкѣ. Чета считается помолвленною до наступленія надлежащаго возраста; о взаимной склонности, здѣсь нѣтъ и рѣчи: во многихъ случаяхъ женихъ и невѣста видятъ другъ друга въ первый разъ въ день свадьбы.

Опредѣленіе этого для китайцевъ дѣло также очень важное, и тутъ они снова обращаются за совѣтами къ гадателямъ. Самымъ счастливымъ считается день въ первомъ мѣсяцѣ года (въ февралѣ), *когда распускаются* почки персиковыхъ цвѣтовъ. Хотя въ императорскомъ календарѣ обозначены свойства каждаго дня въ году, тѣмъ не менѣе этого не достаточно при такомъ важномъ случаѣ. Часто свадьбу отлагаютъ на мѣсяцы и годы по недостатку благопріятныхъ признаковъ дня. Если признаки хороши, то женихъ посылаетъ невѣстѣ подарокъ, что считается съ его стороны признаніемъ дѣйствительности помолвки. Этотъ подарокъ, какъ и нѣкоторыя церемоніи, не во всѣхъ провинціяхъ одинаковъ. На сѣверѣ женихъ даетъ золотую щипильку для волосъ (мы полагаемъ тутъ среднее сословіе), пару серебряныхъ или золотыхъ браслетовъ, пачку чаю, кусокъ красной или зеленой шелковой ткани и четыре палочки серебра, цѣною въ 10 рублей и болѣе. Невѣста обыкновенно не даетъ въ замѣнъ ничего, и вообще не приноситъ мужу никакого приданаго. Иногда жениху посылаютъ шитыя работы собственнаго издѣлія невѣсты, футляръ для опахала, которое виситъ у каждаго китайца какъ кинжалъ, кисетъ для табаку или денежный кошелекъ. Родители же доставляютъ молодому человѣку красную карту съ выраженіемъ своего согласія. Съ этого дня голову невѣсты чешутъ иначе: простая коса замѣняется описанною нами прическою замужнихъ женщинъ. Женихъ также украшается маленькою круглою шапочкою, которую онъ носитъ дома постоянно. Въ день свадьбы, женихъ посылаетъ болѣе значительные подарки, отъ 8 до 10 фунтовъ чаю, одежду, драгоцѣнности и сумму денегъ въ 50 и до 4,000 рублей, смотря по состоянію. Родители невѣсты отвѣчаютъ на такой подарокъ высылкою шелковыхъ тканей съ восемью символами года, мѣсяца, дня и часа рожденія молодой, шитыми золотомъ на красномъ шелкѣ. Женихъ получаетъ подарки отъ своихъ пріятелей, а невѣста отъ подругъ. Въ числѣ подарковъ, предлагаемыхъ жениху, непремѣнно бываетъ пара живыхъ гусей, составляющихъ символъ согласной жизни. Ихъ несутъ передъ свадебнымъ шествіемъ. Подарки подругъ невѣсты, состоятъ изъ вышивокъ и мелочей. Сестры и подруги остаются съ невѣстою и плачутъ съ нею, пока она не покинетъ дома. Вечеромъ является женихъ, обыкновенно въ совершенно вызолоченныхъ носилкахъ, изукрашенныхъ цвѣтами, за невѣстою, въ сопровожденіи друзей и родственниковъ. Вмѣстѣ съ нимъ приходитъ толпа фантастически разряженныхъ слугъ и мальчиковъ, несущихъ фонари. Носилки и одежду обыкновенно занимаютъ въ буддайскихъ монастыряхъ, которые держатъ эти предметы для подобныхъ праздневствъ, и имѣютъ отъ этого большіе доходы.

Въ главѣ торжественнаго свадебнаго шествія идетъ сватъ, а за нимъ слѣдуютъ люди съ знаменами, зонтиками, памятными досками и фонарями. Послѣ нихъ шествуютъ музыканты, человѣкъ съ неизбѣжными швермерами, которые безпрерывно шипятъ и хлопаютъ, бѣлый козелъ, посыпанный краснымъ порошкомъ, несутъ упомянутыхъ двухъ гусей и нѣсколько блюдъ съ плодами. Носилки для невѣсты, несутъ четыре человѣка, сопровождаемые четырьмя другими. Эти носилки плотно заперты, и невѣста сидитъ въ нихъ съ закрытымъ лицемъ. За носилками слѣдуютъ два дружки и пріятели жениха также въ носилкахъ.

Шествіе останавливается у дверей жениха, въ которыя слуги не впускаютъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ денежнаго подарка. Послѣ этого женихъ открываетъ носилки, вынимаетъ изъ нихъ невѣсту и переноситъ черезъ порогъ, на который поставленъ кухонный горшокъ. Это служитъ признакомъ, что уже начались домашнія обязанности молодой. Женихъ ведетъ ее въ освѣщенную свадебную комнату, въ которой настланы ковры, чтобы она не загрязнила красныхъ атласныхъ своихъ башмаковъ, и передаетъ ее старухѣ. Старуха ведетъ молодую въ ея комнату, а оттуда въ большую пріемную, гдѣ она приглашаетъ собравшихся гостей жевать бетель и ободряетъ къ тому собственнымъ примѣромъ. Послѣ этого, женихъ снимаетъ съ невѣсты покрывало, а родственники начинаютъ громко и безцеремонно подвергать наружность молодой строгому разбору. Это дѣлается съ цѣлью испытать ея смиреніе и скромность. Молодые выпиваютъ кубокъ союза, причемъ мѣшаютъ вино изъ чаши жениха съ невѣстинымъ и наоборотъ. Этимъ ограничивается весь обрядъ бракосочетанія, и молодые считаются затѣмъ супругами. Питье вина повторяется еще два раза при звукахъ музыки и по возможности самаго сильнаго шума. Является старая женщина, имѣющая многихъ дѣтей, и произноситъ молодымъ рѣчь, послѣ которой всѣ

гости расходятся. На слѣдующее утро молодые супруги вмѣстѣ молятся домашнимъ богамъ, въ комнатѣ, посвященной памяти предковъ, затѣмъ принимаютъ поздравительные визиты, а съ третьяго дня, въ теченіе почти мѣсяца посѣщаютъ родныхъ. Торжественное пиршество заканчиваетъ всѣ свадебныя церемоніи. Обыкновенно китайцы имѣютъ только одну жену, хотя у нихъ не запрещено многоженство. Во всякомъ случаѣ первая жена пользуется въ домѣ преимуществомъ, а остальныя имѣютъ почти значеніе служанокъ. Кромѣ того, должно замѣтить, что у китайцевъ женщины не рабыни, лишенныя воли, какъ у другихъ народовъ Азіи, но довольно самостоятельныя властительницы въ домѣ, и мужья не могутъ притѣснять ихъ безнаказанно.

Китайцы весьма желаютъ имѣть мужскихъ потомковъ. Дочери рѣшительно не идутъ въ счетъ дѣтей, и если кто не имѣетъ сыновей, то часто усыновляетъ дѣтей друга или близкаго родственника.

Супружество между лицами, носящими одинаковое прозвище въ Китаѣ запрещено. Должно замѣтить, что тамъ, однако, существуетъ только около 150 фамилій, и потому можно себѣ представить, какія иногда встрѣчаются затрудненія при выборѣ невѣсты или жениха. Точно также запрещены браки близкихъ родственниковъ. Для чиновниковъ существуютъ еще другія препятствія для вступленія въ брачный союзъ. Напр. мандаринъ не смѣетъ жениться на дочери актера. Если же такія лица вступаютъ въ бракъ, то союзъ объявляется незаконнымъ и виновныхъ наказываютъ 60 ударами.

Отношеніе жены къ супругу рѣзко характеризуется тѣмъ, что при всякомъ ея преступленіи, съ мужа взыскиваютъ какъ съ соучастника. Если она соблазнена къ преступленію мужемъ, то ее совершенно освобождаютъ отъ наказанія. Слѣдовательно, по закону женщины имѣютъ въ Китаѣ весьма низкое положеніе, хотя въ домѣ онѣ нѣсколько владычествуютъ, обнаруживая большую силу характера. Впрочемъ, законъ предоставляетъ замѣчательныя права матерямъ. Если отецъ умираетъ, то она остается главою семейства, и сыновья должны по самую смерть покоряться ей безусловно. Въ Китаѣ я имѣлъ случай убѣдиться до какой степени дѣйствительно дѣти слушаются матери. Мы познакомились съ однимъ молодымъ человѣкомъ, Кинштомъ, изъ семейства Гаукуа, одного изъ богатѣйшихъ въ Китаѣ, и онъ пригласилъ насъ къ себѣ на завтракъ. Молодой человѣкъ, 22 лѣтъ отъ роду, былъ уже женатъ на самой красивой китаянкѣ, какую мнѣ случалось видѣть. Ея теща, 40 лѣтъ была также очень красива и такъ моложава, что я считалъ ее сестрою молодой супруги. Подали вино, котораго нашъ хозяинъ не пилъ. Когда мы спросили о причинѣ такого воздержанія, онъ отвѣчалъ, что мать запретила ему пить вино. Это откровенное признаніе показываетъ, какъ безусловно послушны въ Китаѣ дѣти.

Вдовѣ считается неприличнымъ выходить замужъ, а въ нѣкоторыхъ сословіяхъ даже запрещается. Также не допущены закономъ браки туземцевъ съ иностранцами, и между подданными императора и горнымъ племенемъ Міутса, которое считается частью китайской имперіи, хотя оно держится совершенно самостоятельно.

«Чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ больше благословенія» говоритъ китайская пословица, причемъ разумѣютъ однако однихъ сыновей. Желаніе имѣть сыновей объясняется тѣмъ, что отецъ всю жизнь остается безусловнымъ властелиномъ своего потомства, и можетъ надѣяться на совершенно беззаботную старость, и считать дѣтей вѣроятнымъ источникомъ богатства и почестей, если они чему нибудь выучились. Это обстоятельство, какъ и законъ, по которому отецъ отвѣчаетъ за всѣ поступки дѣтей, чрезвычайно способствуетъ распространенію въ Китаѣ просвѣщенія. Рачительное воспитаніе и пріобрѣтеніе свѣдѣній не только открываютъ путь къ почестямъ, которыми пользуется и отецъ, но и предохраняютъ отъ наказаній за проступки, вызванные грубостью и порочностью сына, за что отецъ первый претерпѣваетъ наказаніе. Если китайское законодательство установило такую отвѣтственность за дѣтей съ цѣлью распространить въ народѣ образованность, то оно вполнѣ достигло ея, и предусмотрительность законодателя заслуживаетъ въ этомъ случаѣ полную признательность.

Особенно же отецъ желаетъ имѣть сыновей, чтобы не вымеръ его родъ, и чтобы остался кто нибудь, исполняющій на его могилѣ ежегодный обрядъ поминанія. Мысль не оставить никого для выполненія этого обряда, для китайца столь же тягостна, какъ для нашего простолюдина боязнь, что его не похоронятъ съ честью. Китаецъ безъ сыновей живетъ безъ чести, и умираетъ несчастливымъ. Оттого рожденіе сына въ Китаѣ всегда счастливое событіе, радующее все семейство. Маленькій гражданинъ міра, тотчасъ послѣ рожденія, получаетъ *молочныя* или *нѣжныя* имена, которыя сохраняетъ до наступленія юношескаго возраста. Тогда эти имена замѣняются другими. Когда мальчику минулъ мѣсяцъ, родственники посылаютъ ему серебряную пластинку съ надписью: «долголѣтіе, честь и благоденствіе.» Съ ранняго дѣтства мальчика пріучаютъ къ общественному обращенію и этикету, которые столь важ-

ны въ жизни китайцевъ, а на четвертомъ или пятомъ году принимаются преподавать чтеніе. Какъ давно въ Китаѣ придаютъ важное значеніе всеобщему образованію, видно уже изъ того, что въ сочиненіи, вышедшемъ еще до Рождества Христова, говорится о *второй системѣ преподаванія*, по которой каждый городъ и даже самая малая деревня имѣли общее училище.

Тѣлеснаго наказанія дѣтей стараются избѣгать по мѣрѣ возможности, какъ въ школѣ, такъ и дома. Испытываютъ сперва всѣ средства прежде нежели рѣшаются принять такую крайнюю мѣру. Во время моего одиннадцатимѣсячнаго пребыванія въ Китаѣ, мнѣ случилось только одинъ разъ видѣть, какъ родители били ребенка и то было у простолюдиновъ. Напротивъ того насъ крайне поражало, что съ дѣтьми 10 или 12 лѣтъ обращались какъ съ взрослыми, и такіе мальчики вообще держались съ большимъ достоинствомъ.

Учителей въ Китаѣ очень много. Почти всѣ не выдержавшіе государственнаго экзамена, и не могущіе оттого занять мѣсто чиновника, становятся частными или публичными учителями. Во всякой деревнѣ можно найти по нѣскольку такихъ испорченныхъ литераторовъ, которые конечно часто вовсе не годятся въ воспитатели.

Китайское юношество отличается отъ дѣтей другихъ народовъ большею серіозностью. Шумная, шаловливая веселость, замѣчаемая у дѣтей повсюду, вовсе не обнаруживается въ Китаѣ, и серіозныя, глубокомысленныя лица маленькихъ китайцевъ производятъ какое-то грустное впечатлѣніе, и ни мало не согласуются съ ихъ возрастомъ. У людей достаточныхъ такая неестественность составляетъ послѣдствіе формальностей, къ которымъ понуждаютъ дѣтей съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, а также началъ воспитанія Конфуція, который считаетъ высшею задачею жизни самоуправленіе и подавленіе страстей.

У бѣднаго населенія нищета также пробуждаетъ несвоевременную серіозность. Только самая усиленная работа можетъ поддерживать существованіе простолюдина, и оттого необходимо пользоваться самыми слабыми силами дѣтей, если они уже могутъ трепать бумагу, полоть или отбирать въ рисовыхъ снопахъ пустые колосья. На игру дѣтямъ вовсе не остается времени, и съ дѣтскимъ весельемъ они никогда не ознакомливаются, потому что съ первой минуты полнаго сознанія по самую смерть должны постоянно вести тяжкую борьбу, для сохраненія безотраднаго своего существованія.

О смерти отца семейства объявляютъ родственникамъ формально. Двери дома окрашиваютъ бѣлою краскою, и прямые потомки умершаго, надѣвъ грубую бѣлую одежду, завертываютъ голову въ бѣлые платки и вплетаютъ въ косы бѣлыя ленты. Въ такой одеждѣ они плачутъ около мертваго, между тѣмъ какъ женщины, какъ и у магометанъ, громко завываютъ. Друзья умершаго завертываютъ трупъ въ бѣлый бумажный или шелковый саванъ. Старшій сынъ или прямой потомокъ усопшаго, сопутствуемый двумя родственниками, идущими по обѣимъ сторонамъ, отправляется, съ двумя мѣдными монетами на блюдѣ, къ ближайшему колодцу *купить воды*, какъ говорятъ при этой церемоніи. Если старшій сынъ покойнаго умеръ, то право исполненія такой церемоніи принадлежитъ внуку старшаго рода, а не второму сыну погребаемаго. Эта церемонія даетъ право на полученіе двумъ дѣтямъ наслѣдства, которое раздѣляется впрочемъ между сыновьями поравну. Принесенною водою умершему моютъ лице и тѣло, затѣмъ его одѣваютъ какъ живаго, и кладутъ въ гробъ, сдѣланный изъ брусьевъ, толщиною въ 3 или 4 вершка, и наполненный порошкомъ негашенной извести. Когда гробъ закрытъ, его плотно замазываютъ цементомъ, лакируютъ и помѣщаютъ въ комнатѣ посвященной памяти умершихъ, и находящейся въ домѣ всякаго достаточнаго человѣка, или же на мѣсто, замѣняющее такую комнату. Доску, съ означеніемъ имени, титула и знаковъ отличія умершаго, помѣщаютъ на головномъ концѣ гроба, остающагося въ домѣ 21 день. По истеченіи этого времени происходитъ погребеніе. Сказанную доску несутъ впереди на золоченныхъ носилкахъ, окруженную дымящимися курительными палочками. За носилками слѣдуютъ музыканты, играющіе точно такъ же какъ при свадьбахъ и другихъ торжествахъ, съ тою однако разницею, что во время паузъ ударяютъ три раза въ барабанъ, чѣмъ все таки музыкѣ ни сколько не придается печальнаго характера. Послѣ этого идутъ дѣти и родственники обоего пола за исключеніемъ замужнихъ дочерей, которыя не принадлежатъ къ семейству послѣ замужества. Родственники ходятъ обыкновенно подвое, но безъ всякаго предписаннаго порядка, въ бѣлой одеждѣ, сыновья съ нестриженною головою, а дочери въ бѣлыхъ шапкахъ. Церемонія начинается у могилы. Жрецъ читаетъ погребальную молитву, и чтобы усопшій имѣлъ въ будущей жизни необходимые для жизни предметы, на гробницѣ сожигаютъ разную одежду и домашнюю утварь, изготовленную, по бережливости, изъ бумаги. Послѣ похоронъ надгробную доску въ прежнемъ порядкѣ несутъ обратно для помѣщенія въ комнатѣ памяти умершихъ.

Гробницы не вездѣ одинаковы. На югѣ, въ Кантонѣ, Гонгконгѣ и Сингапорѣ, почти всѣ гробницы имѣютъ видъ подковы или греческой буквы Ω. Въ Шангхаи, Тіентсинѣ и Чефу я видѣлъ лишь немногія гробницы такого вида, и то лишь богатыхъ семействъ. Здѣсь надгробные холмы почти всѣ состояли изъ правильныхъ коническихъ возвышеній, и не имѣли каменной кладки, характеристической на кладбищахъ юга. Чтобы не терять плодоносной земли, кладбища всегда помѣщаютъ на безплодномъ пространствѣ, большею частью на покатостяхъ холмовъ и горъ. Богачи велятъ погребать себя отдѣльно, и покупаютъ для этого нѣсколько десятинъ земли за многія тысячи рублей, избирая для гробницы мѣсто, видное издали. Такое тщеславіе китайцы, какъ и европейцы, смѣшиваютъ съ почтеніемъ. Если подъѣзжать къ Гонгконгу съ востока черезъ Леймунъ, уже на разстояніи нѣсколькихъ миль видна огромная подковообразная гробница, расположенная около 800 футовъ надъ уровнемъ моря, и устроенная съ огромными расходами на довольно крутой скалистой стѣнѣ. Цвѣтъ этой гробницы привлекаетъ на себя вниманіе посреди окружающей зелени. Подобныя гробницы разсѣяны также на горахъ въ серединѣ острова и около Нингхаи.

Гдѣ нѣтъ безплодныхъ пространствъ, какъ напр. въ окрестностяхъ Шангхаи и Вузунга, тамъ погребаютъ мертвыхъ на собственномъ полѣ. Оттого вся область, состоящая изъ наносной почвы, походитъ на одно кладбище. Куда ни посмотришь, повсюду видны пріостренные надгробные холмы, воздымающіеся на равнинѣ сотнями тысячъ. Всѣ эти гробницы были оживлены утромъ 5 апрѣля, и къ полудню на нихъ развѣвались бѣлыя и красныя полосы бумаги въ доказательство, что родственники почтили умершихъ памятью.

Многіе бѣдные люди не имѣютъ земли, въ которой они могли бы похоронить своихъ усопшихъ. Если имъ не дастъ необходимой земли добродушный богачъ, то тѣло остается непогребеннымъ, и гробъ становятъ на сторонѣ дороги или на мѣстѣ, не принадлежащемъ никому. Въ Китаѣ очень много бѣдныхъ, и оттого такіе гробы встрѣчаются очень часто. Многіе гробы завернуты въ цыновки, а другіе не прикрыты и ими, потому что родственники не имѣли денегъ, чтобы купить и этотъ дешевый матеріалъ. Для меня незабвенно трогательное зрѣлище двухъ женщинъ, въ лохмотьѣ, рачительно счищавшихъ съ гроба, принадлежавшаго, можетъ быть, ихъ отцу или матери, всякую пылинку, и, по недостатку цвѣтовъ, положившихъ на гробъ кусочекъ дерна съ нѣсколькими полосами смятой бумаги. Въ этомъ обычаѣ выражается глубокое почтеніе къ умершимъ, и прекрасная черта характера, которая примиряетъ насъ со многимъ, что кажется намъ у китайцевъ отталкивающимъ и безнравственнымъ.

### Тѣлосложеніе китайцевъ. Уродованіе ногъ у женщинъ. Одежда. Пуговицы на шапкахъ. Украшенія богачей. Миролюбіе народа. Національная надменность. Нравственность китайцевъ. Домашняя жизнь. Куреніе опія. Поваренное искусство и разнообразіе блюдъ въ Китаѣ.

Китайцы превосходятъ остальные народы Азіи, не только умственнымъ развитіемъ, но и тѣлосложеніемъ. Вообще мужчины крѣпки, съ пропорціональными членами и прекраснымъ тѣлосложеніемъ. Этимъ они обязаны преимущественно здоровому климату и низкой температурѣ отечества, которое, находясь на востокѣ гораздо умѣреннѣе и теплѣе, чѣмъ страны западной Азіи. Женщины среднихъ и высшихъ сословій на юговостокѣ вообще нѣжнаго сложенія, что однако должно приписать всего болѣе изуродованію ногъ и недостатку тѣлодвиженій. Женщины изъ простолюдиновъ и татарки крѣпки и здоровы. Первыя вынуждены работать и оттого не уродуютъ своихъ ногъ, а татарки не подражаютъ этому странному обычаю.

По формѣ черепа, китайцы составляютъ племя среднее между кавказскимъ и негритянскимъ. По толщинѣ губъ они походятъ на негровъ; носъ у нихъ толстъ и нѣсколько сплющенъ, крылья носа широки, но не до такой степени какъ у негровъ. Китайцы средняго роста, и съ малыми руками и ногами, особенно женщины. Во многихъ отношеніяхъ это племя походитъ на сѣвероамериканскихъ индіянцевъ. Мы видимъ у нихъ также блестящіе черные волосы, косое направленіе глазныхъ щелей и бровей, и жесткую бороду. Точно такъ же тѣло китайцевъ почти вовсе не покрыто волосами, и имѣетъ цвѣтъ похожій на индіянскій, хотя это и зависитъ, по видимому, отъ вліянія воздуха; по крайней мѣрѣ въ знатномъ классѣ, не подвергающемся непосредственному вліянію зноя, кожа почти бѣлая.

Китайцы неоспоримо близко сродственны съ монгольскою расою, но черты лица у нихъ менѣе рѣзки, такъ что встрѣчаются юноши поразительной, почти женской красоты. Послѣ двадцатилѣтняго возраста черты мужчинъ становятся рѣзкими, скулы выдаются и старики и старухи иногда непомѣрно гадки: по понятіямъ китайцевъ о красотѣ женщинъ, онѣ должны быть

нѣжнаго тѣлосложенія, а мужчины дородны. Оттого богачи которымъ не нужно работать тѣлесно, ведутъ образъ жизни, благопріятствующій развитію полноты тѣла. Женщины средняго и низшаго сословія вообще не красивы. У всѣхъ красотѣ мѣшаютъ плоскій носъ и большой ротъ. Желтый цвѣтъ лица безъ всякаго румянца ни сколько не уменьшаетъ этого недостатка красоты, а дурная походка, и уродливыя ноги придаютъ всему тѣлу какой то непріятный видъ. Несчастный обычай портить ноги возникъ во времена династіи Танга. Уродованіе ногъ, и отращиваніе ногтей употребительны въ сущности для того, чтобы выказать ненадобность работать. Честолюбіе китайца стремится къ тому, чтобы не имѣть надобности трудиться, и человѣкъ, отращивая ногти, выказываетъ, что онъ уже достигъ этой степени благоденствія. Для сохраненія ногтей въ цѣлости, на нихъ часто надѣваютъ футляры изъ бамбука или другаго, болѣе драгоцѣннаго матеріяла. Французы, ограбившіе императорскій дворецъ, добыли многіе такіе футляры изъ золота. Я видѣлъ одинъ изъ нихъ въ Шангхаи, и меня увѣряли, что онъ принадлежитъ самому императору. Впрочемъ, по цѣнности вещи, можно было повѣрить, что это правда.

По наружности, сѣверные жители Китая замѣтно отличаются отъ южныхъ, преимущественно женщины. Тѣлосложеніе и черты лица на югѣ гораздо тоньше, но цвѣтъ кожи притомъ не темнѣе, хотя югъ находится почти подъ тропиками. Вѣроятно, такая разница зависитъ оттого, что на югѣ китайское племя сохранилось въ первоначальной чистотѣ, а на сѣверѣ къ нему примѣшались татары. Особенно некрасивы береговые жители сѣвера, и кажется, что они принадлежатъ къ совершенно другому племени: можетъ быть, эскимоскаго происхожденія отъ переселенцевъ съ сѣвера. Само китайское правительство чуждается этихъ прибрежныхъ жителей, и считаетъ ихъ ниже себя, по крайней мѣрѣ законы запрещаютъ бракосочетаніе китайца съ обитателями морскихъ береговъ на сѣверѣ. Позднѣе я видѣлъ въ Нангасаки шесть или восемь коряковъ, перешедшихъ съ сѣвера полуострова Кореи въ Японію. Они совершенно походили на китайскихъ прибрежныхъ жителей, но казались мнѣ темнѣе, что, можетъ быть, зависѣло и отъ бѣлой ихъ одежды.

Одежда китайцевъ, какъ и все остальное, неизмѣнно и неподвержено модѣ какъ у насъ. Покрой одежды опредѣляется правительственнымъ мѣстомъ въ Пекинѣ, обязанномъ наблюдать за выполненіемъ обычаевъ и церемоній, почитаемыхъ освященными. Одежда различныхъ состояній отличается только по ткани.

Значительная разница въ температурѣ лѣта и зимы, особенно на сѣверѣ, гдѣ она составляетъ 50° по термометру Реомюра, заставляетъ мѣнять одежду сообразно съ временемъ года. Лѣтняя одежда состоитъ изъ широкихъ шароваръ, широкаго кафтана, доходящаго до лодыжекъ и камзола, опускающагося до бедръ. Всѣ эти три части одежды у бѣдныхъ изъ бумажной ткани, а у богачей шелковыя. Шерстяныхъ тканей въ Китаѣ не выдѣлываютъ, и незначительное количество, нужное тамъ, получаютъ изъ Россіи. Обувь состоитъ изъ бумажныхъ или шелковыхъ чулокъ и такихъ же башмаковъ съ подошвами, толщиною въ дюймъ, сшитыми изъ войлока. Чулки надѣваютъ на шаровары, и они доходятъ до колѣнъ. На голову надѣваютъ коническую шляпу, сплетенную изъ бамбука. Въ простонародьѣ для защиты отъ солнца, эти шляпы часто снабжены полями съ широкими краями, такъ что вся шляпа имѣетъ поперечникъ въ 2 фута. Голодающій кули довольствуется одними соломянными шапками, а лѣтомъ носитъ только шляпу и шаровары. Зимою на широкія шаровары надѣваютъ узкіе панталоны; кафтанъ и камзолъ подкладываютъ ватою или мѣхомъ, а коническую бамбуковую шляпу замѣняютъ поярковою шляпою съ мѣховою или бархатною опушкою и — надѣваютъ цилиндрическіе вышитые башмачки. Тулья шляпы низка и тѣсно прилегаетъ къ черепу, а поля прямо отогнуты къ верху. На верху шляпы у достаточныхъ людей придѣлана красная шелковая кисть, а у людей чиновныхъ помѣщается знакъ ихъ чина, которыхъ существуетъ девять. Ихъ означаютъ слѣдующимъ образомъ, начиная съ высшаго: 1) плоская красная пуговица, 2) такая же пуговица украшенная цвѣтами, 3) прозрачная синяя пуговица, 4) непрозрачная синяя, 5) безцвѣтная стекляная, 6) бѣлая стекляная, 7) плоская вызолоченная, 8) золотая съ выпуклыми цвѣтами, 9) тоже съ плоскими цвѣтами.

Половина кафтана и камзола у всѣхъ постоянно перекладывается одна на другую, и застегивается на правой сторонѣ. Одежда женщинъ почти такая же, онѣ только надѣваютъ нѣсколько кафтановъ, а тѣ, у которыхъ ноги изуродованы, носятъ на нихъ вмѣсто чулокъ повязки изъ простой ткани, которыя необходимы какъ мнѣ кажется чтобы придать ногѣ крѣпость. Если ноги имѣютъ длину только въ три дюйма, то китайскіе поклонники прекраснаго называютъ ихъ *золотыми лиліями* и воспѣваютъ въ одахъ. По нашимъ понятіямъ, въ такой уродливости нѣтъ ничего прекраснаго, и во мнѣ пробудила золотая лилія, похожая на конскую или ослиную ногу, только отвращеніе. Татарки

гораздо благоразумнѣе и носятъ ноги, какія имѣютъ отъ природы, а китайскихъ женщинъ чужеземцы считали бы гораздо красивѣе, если бы онѣ довольствовались природными, очень красивыми ножками.

Страсть богатыхъ китайцевъ къ дорогимъ мѣхамъ на сѣверѣ, превосходитъ всякія понятія. Часто встрѣчаются купцы, у которыхъ на тѣлѣ на 4000 или 5000 рублей мѣху. Еще дороже одежда ихъ женъ, потому что онѣ носятъ еще ожерелья и браслеты. Китайцы получаютъ изъ Татаріи особый драгоцѣнный камень, называемый Ю, а у англичанъ jade stone (почечникъ, нефритъ). Европейцы не цѣнятъ этого камня, но въ Китаѣ онъ очень любимъ, и за него платятъ тамъ дорого. Изъ него приготовляютъ ожерелья и браслеты, стоящіе иногда 1000 или 1800 рублей, не смотря на то, что они вовсе не красивы.

Одинъ изъ моихъ пріятелей былъ приглашенъ въ Шангхаи къ одному купцу, котораго вообще считали богачемъ. Послѣ обильнаго обѣда, при которомъ не присутствуютъ женщины когда приглашенъ европеецъ, хозяинъ представилъ ему свою жену, только что воротившуюся со двора въ ежедневной одеждѣ. Это былъ признакъ особой внимательности, ибо китайскія дамы высшихъ сословій рѣдко показываются чужеземцамъ. Не смотря на то, дама казалась ни сколько не смущенною, и была во всѣхъ движеніяхъ такъ естественна, какъ будто бы давно знала гостя. У ней были тонкія черты лица и одѣта она была со вкусомъ. Въ блестящихъ черныхъ волосахъ находились золотыя кольца, а въ бобровой повязкѣ на лбу были вставлены четыре драгоцѣнные камня Ю, оправленные въ золото. На шеѣ и на рукахъ она носила по два ряда бусъ изъ тѣхъ же камней, и по крайней мѣрѣ пять или шесть дорогихъ мѣховыхъ кафтановъ дополняли одежду. Рѣчь зашла о цѣнѣ этихъ предметовъ, и оказалось, что на дамѣ было вещей приблизительно на 15000 рублей. При этомъ напоминаю, что купчиха пришла въ обыкновенной ежедневной своей одеждѣ.

Дѣтей въ Китаѣ также очень наряжаютъ, и ихъ одежда отличается не только качествомъ, но и количествомъ. На улицѣ они походятъ на маленькихъ уродовъ. Они до того закутаны въ кафтаны и камзолы, что едва могутъ двигаться, и вынуждены держать руки подъ прямымъ угломъ къ тѣлу, причемъ они такъ же широки какъ высоки.

Выходя со двора, всякій порядочный китаецъ затыкаетъ за поясъ разныя вещи, придающія ему воинственный видъ, не смотря на мирное ихъ назначеніе. По наружности мы полагаемъ, что у него кинжалъ въ ножнахъ, вышитыхъ шелкомъ и подаренныхъ невѣстою или женою, а на самомъ дѣлѣ это не что иное какъ вѣеръ съ футляромъ, неразлучный спутникъ всякаго китайца, отъ императора до самаго бѣднаго кули. Кожаная сумочка, часто также вышитая, походитъ на патронташъ, но заключаетъ въ себѣ только сталь и кремень для закуриванія трубки, а возлѣ помѣщается еще вышитый кисетъ съ запасомъ табаку.

Оружіе носятъ только солдаты, и то лишь на службѣ, а военные мандарины при особыхъ случаяхъ. Народу строго запрещено имѣть огнестрѣльное оружіе, но это запрещеніе почти излишне для населенія столь миролюбиваго, что одна мысль о безначаліи приводитъ его въ ужасъ. Такимъ спокойствіемъ и осторожностью китайцы обязаны преимущественно вліянію и авторитету пожилыхъ людей. Каждая особа постоянно находится подъ надзоромъ и во власти старшихъ въ семействѣ. Оттого неопытные и несвѣдущіе молодые люди руководствуются болѣе зрѣлымъ сужденіемъ старшихъ, и удерживаются отъ порывовъ страстей неблагоразумія. Власть китайцевъ надъ собою, которую Конфуцій предписываетъ какъ необходимость, составляетъ послѣдствіе принятой системы воспитанія, и объясняетъ, почему въ Китаѣ случается сравнительно менѣе насилій, чѣмъ въ другихъ странахъ. Воровство и грабежъ не рѣдки, но только въ исключительныхъ случаяхъ сопровождаются смертоубійствомъ. Ужасовъ нынѣшней войны нельзя принимать въ разсчетъ.

Когда китайцы ссорятся, дѣло рѣдко у нихъ оканчивается дракою. По ихъ тѣлодвиженіямъ и свирѣпымъ крикамъ можно ожидать, что тотчасъ начнется бой на смерть, но крики составляютъ такъ сказать нравственный предохранительный клапанъ, и обыкновенно разсорившіеся, которые много что потрепали другъ друга за косы, расходятся совершенно успокоившись, точно упомянутые мальчики, споривше о правѣ на апельсинъ.

Китайцы высоко уважаютъ два свойства человѣка: высокое положеніе въ обществѣ, пріобрѣтенное личными заслугами, и престарѣлость. Они не уважаютъ одного богатства и не презираютъ бѣдности. Глупый богачъ напрасно станетъ стараться затемнить покупкою мѣста бѣдняка, пріобрѣвшаго положеніе въ обществѣ прилежаніемъ и талантомъ. Самохвальство и національная надменность, выказываемыя европейцамъ, весьма поразительны, и объясняютъ отчасти, въ чемъ кроется источникъ коварства китайцевъ при спорахъ съ европейцами. Особенно много могутъ жаловаться на китайцевъ въ этомъ отношеніи англичане. Этой дурной черты

нрава отрицать нельзя, но народъ можно нѣсколько оправдать. Китай нѣсколько тысячелѣтій былъ устраненъ отъ сношеній съ европейцами, слѣдовательно вообще со всѣми народами, которые выше его въ умственномъ отношеніи. До 1840 года китайцы имѣли соприкосновеніе съ европейцами въ одномъ Кантонѣ, и то лишь съ купцами, а съ послѣдними имѣли дѣла только 12 китайскихъ купцовъ, обладавшихъ исключительнымъ правомъ торговать съ европейцами, за что они платили мандаринамъ огромныя суммы, и естественно старались выручить ихъ отъ чужеземцевъ. Съ другой же стороны европейцы разными обманами старались возвратить потерянное. Они отправлялись въ Китай только, чтобы добыть денегъ, и оттого не очень разбирали средства къ достиженію цѣли. Также бывали ежедневные споры какъ между китайцами такъ и между разными заѣзжими народами, по зависти старавшимися вытѣснить другъ друга. Хотя привилегированные китайскіе купцы очень хорошо поняли настоящія отношенія европейцевъ, толпа народа однако видѣла только спорящихъ иноземцевъ, не любимыхъ уже по этому одному, что для китайца нѣтъ ничего отвратительнѣе споровъ и несогласія. Насилія, къ которымъ европейцы прибѣгали, нерѣдко окончательно унижали ихъ въ глазахъ китайцевъ, и это отвращеніе еще искусственно поддерживали мандарины, которые считали полезнымъ взаимное несогласіе для политики отечества.

Что китайцамъ случалось видѣть у европейцевъ и слышать о нихъ, ни сколько не могло измѣнить дурнаго ихъ мнѣнія о чужестранцахъ. Изъ Европы достигали смутные слухи о кровавыхъ войнахъ, между тѣмъ Китай цѣлые два вѣка наслаждался полнымъ миромъ; къ тому же произведенія европейской промышленности казались жителямъ Китая гораздо менѣе совершенными туземныхъ, потому что эти вещи не соотвѣтствовали ихъ потребностямъ. Даже послѣ 20 лѣтнихъ усиленныхъ сношеній, въ Китай для народа ввозятъ очень мало, за исключеніемъ ширтинга рубашечнаго холста, между тѣмъ какъ вывозъ возрастаетъ ежегодно.

По этому весьма естественно, что китайцы считаютъ себя умнѣе европейцевъ, и стараются выказать это сознаніе. Европейцы кажутся китайцамъ народомъ, окружающимъ ихъ государство, составляющее блестящее средоточіе земли, и считаютъ свое просвѣщеніе и умственное развитіе несравненно выше европейскаго. По мнѣнію китайцевъ, мы варвары. Простонародье называетъ европейцевъ фанквеями, т. е. иноземными чертями, и по этому одному можно себѣ составить понятіе о положеніи, которое мы занимаемъ въ отношеніи къ нимъ. Съ чертями не нужно быть честнымъ и добросовѣстнымъ, и позволительно обманывать ихъ всякими способами. Нарушеніе договоровъ и т. д., составляетъ естественное послѣдствіе такого воззрѣнія. Слѣдовательно судить о китайцахъ по ихъ сношеніямъ съ европейцами, было бы односторонне. Строгому моралисту нравъ китайцевъ все-таки кажется довольно дурнымъ; но къ народу, собственно говоря, не имѣющему никакой религіи, можно прилагать мѣрила христіанскаго ученія, нравственности и нашего воззрѣнія на міръ? У китайцевъ позволительно, что у насъ считается безнравственнымъ и преступнымъ, и едва ли существуетъ народъ, который лжетъ болѣе китайскаго. Ложь кажется ему вовсе не безчестною. Вообще можно полагать, что китаецъ никогда не говоритъ правды, когда онъ опасается, что отъ того потерпитъ какой-либо убытокъ. Всякій считаетъ такое поведеніе совершенно естественнымъ, и мы потому не можемъ удивляться, что отъ китайцевъ трудно добиться истины, даже при самыхъ малозначащихъ вопросахъ. Притомъ можно выказать китайцу, что не вѣримъ ему, потому, что въ противномъ случаѣ онъ еще станетъ издѣваться надъ нами.

Также не слѣдуетъ слишкомъ строго осуждать дѣтоубійство у китайцевъ. Многіе путешественники преувеличивали этотъ фактъ, котораго отрицать нельзя. Должно даже сознаться, что правительство ни сколько не препятствуетъ такому ужасному преступленію. Во всякомъ же случаѣ на него рѣшаются родители только при рѣшительной невозможности прокормить дѣтей. Иначе это преступленіе никакъ нельзя объяснить. Кто оставался въ Китаѣ даже короткое время и притомъ старался подробнѣе ознакомиться съ народомъ, долженъ былъ замѣтить, что не только дѣти очень почитаютъ и любятъ родителей, но и наоборотъ родители чрезвычайно привязаны къ дѣтямъ. Что бы ни говорили о китайцахъ дурнаго, все-таки семейная ихъ жизнь самая лучшая сторона ихъ нравовъ. Бездѣтство они считаютъ чрезвычайнымъ бѣдствіемъ, между тѣмъ какъ многочисленное потомство, особенно мужское, желаетъ имѣть всякій, и вся политика Китая направлена къ тому, чтобы усилить это желаніе. Кто не имѣетъ потомковъ для выполненія поминовенія на могилѣ, тотъ считается несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Какимъ же образомъ согласить обычай, который вовсе не подходитъ къ такому основному образу мыслей? Только нужда и страшная нищета можетъ заставить родителей убить дѣтей, а при избыткѣ населенія въ странѣ, которой жители должны прокармливаться однимъ земледѣліемъ, легко можетъ возник-

нуть такая нужда! Я самъ видѣлъ близъ Кантона трупы дѣтей, плававшіе по рѣкѣ, но вовсе не считаю этого доказательствомъ дѣтоубійства. Почти всѣ путешественники, разсказывавшіе объ этомъ преступленіи, посѣщали только Кантонъ, и считали дѣтоубійство обыкновеннымъ обычаемъ, потому что часто видѣли мертвыхъ дѣтей въ рѣкѣ, протекающей мимо ихъ оконъ. Эти путешественники, кажется, совершенно забыли, что въ Кантонѣ полмилліона людей живетъ на водѣ, и въ лодкѣ длиною въ 14 и шириною въ 4 фута, часто обитаетъ семейство съ 4 или 6 малыми дѣтьми. Такъ легко младенцы могутъ случайно выпасть изъ лодки! Именно бутылка изъ высушенной тыквы, которая находится почти у всѣхъ подобныхъ труповъ, составляетъ доказательство случайности смерти. Гдѣ въ лодкѣ находятся дѣти, которыя еще не понимаютъ опасности воды, на нихъ обыкновенно навѣшены пустыя тыквы, какъ спасительное средство отъ утопленія.

Вообще женатые китайцы ведутъ семейный образъ жизни. Кромѣ театровъ и чайныхъ домовъ, нѣтъ ни какихъ публичныхъ забавъ. Въ чайные домы не ходятъ люди высшихъ классовъ. Балы и танцы несбыточны уже по формѣ ногъ дамъ, и потому вовсе неупотребительны. Женщины рѣдко являются при чужихъ, и обѣдаютъ только со своимъ семействомъ или близкими родственниками. Женщины высшихъ сословій очень рѣдко встрѣчаются на улицахъ, потому что ихъ носятъ въ совершенно закрытыхъ носилкахъ. Визиты и пиршества по разнымъ случаямъ играютъ въ жизни китайцевъ очень важную роль. Посѣтитель является въ носилкахъ, и черезъ слугу отдаетъ карту, на которой напечатано его имя и титулъ. Эти карты красныя съ золотымъ краемъ, а если посѣтитель соблюдаетъ трауръ, то бѣлыя съ синими краями. Такія визитныя карты, однако, не походятъ на наши: онѣ состоятъ изъ длинныхъ сложенныхъ полосъ, которыя годились бы намъ на обои. Приличія и учтивости строго соображаются съ чиномъ посѣтителя. Церемоніи опредѣлены совершенно точно, и отъ нихъ никогда не уклоняются. Этикетъ прежняго испанскаго двора ничтоженъ въ сравненіи съ этими церемоніями. Законъ приличія предписываетъ, чтобы хозяинъ приглашалъ посѣтителя упорно, и послѣдній обязанъ также упорно отказываться. Довольно смѣшно смотрѣть со стороны на попытку обоихъ лицъ наговорить комплименты, и помѣшать другому высказать ихъ.

По званію посѣтителя, хозяинъ встрѣчаетъ гостя у носилокъ, у дверей дома или въ комнатѣ. Поклоны и воспрепятствованіе выраженія учтивости также точно опредѣлены по чинамъ. Люди равные, при поклонѣ, складываютъ сжатыя руки и нѣсколько разъ подносятъ ихъ ко лбу, говоря: «Хау тсингъ тсингъ!» Хау значитъ здоровы ли вы? а тсингъ тсингъ—благо—благо. Слова тсингъ-тсингъ ичонъ (скоро)—маски (ничего) и чау-чау (ѣсть) составляютъ обыкновенно всѣ познанія пріѣзжихъ въ китайскомъ языкѣ. Ими они стараются объясняться съ туземцами, если послѣдніе не сдѣлали нѣкоторыхъ успѣховъ въ знаменитомъ исковерканномъ англійскомъ языкѣ, которымъ обыкновенно китайцы говорятъ съ татарами.

Посѣтителя вводятъ въ гостиную, гдѣ находится почетное мѣсто для гостя, которое состоитъ изъ ниши или изъ кровати съ цыновками и фарфоровою подушкою и двумя скамейками, на которыя кладутъ ноги при лежаніи. Между посѣтителемъ и мѣстомъ для хозяина, находится столикъ для чайныхъ чашекъ или прибора для куренія опія. Этотъ приборъ состоитъ изъ бамбуковаго чубука съ латунною трубкою, которыя болѣе или менѣе изукрашены, смотря по состоятельности хозяина. Чубукъ не имѣетъ мундштука, но только тупо срѣзанъ, и при толщинѣ въ дюймъ будетъ длиною въ полтора фута. Трубка мала и походитъ на круглое блюдце съ отверзтіемъ на днѣ, величиною въ булавочную головку. Возлѣ трубки находятся, лампа, коробка съ опіемъ, чашечка и два куска проволоки въ родѣ спицъ, съ пуговкою на одномъ концѣ и лопаточкою на другомъ. При употребленіи всовываютъ пуговку въ опій, густой какъ сиропъ, вынимаютъ кусокъ величиною въ горошину и держатъ надъ огнемъ лампы. Тутъ опій варится при постоянномъ вертѣніи иглы, раздувается пузыристо и наконецъ опять сплавляется шарикомъ. Тогда испарилась всякая грязь, и осталось только наркотическое вещество. Послѣднее намазываютъ около отверзтія трубки, зажигаютъ его и выкуриваютъ. Послѣ четырехъ или пяти затяжекъ все наркотическое вещество уничтожено. Затѣмъ остатки соскабливаютъ съ трубки лопаточкою. Такая операція повторяется, пока не обнаружится желаемое дѣйствіе на нервную систему, и курильщикъ не прійдетъ въ веселое и пьяное состояніе, имѣющее пріятность непостижимую для европейцевъ, и губящую тѣло и умъ. У нижняго конца почетнаго мѣста, стоятъ подъ прямымъ угломъ тяжелыя кресла для прочихъ посѣтителей, которыхъ размѣщаютъ болѣе или менѣе близко отъ почетнаго мѣста, смотря по ихъ чину. Вскорѣ послѣ того, какъ гости усѣлись, имъ подаютъ чай, а если они остаются долго, то и варенье изъ плодовъ. При прощаніи посѣтителя соблюдаютъ такія же формальности, какъ и при пріемѣ.

Пиры китайцевъ отличаются драгоцѣнностью и разнообразіемъ кушаньевъ, которыя составлены часто изъ очень странныхъ веществъ, приготовлены хорошо, подаются чрезвычайно опрятно, на блюдахъ и разставляются на столѣ съ большимъ вкусомъ. Не смотря на то, намъ они часто не нравятся, потому что содержатъ вещи, по нашему мнѣнію, нимало не годныя для употребленія въ пищу. Къ нимъ я отношу разныхъ морскихъ червей, каракатицъ, плавательныя перья акулъ, высиженныя яйца голубей и многія студенистыя произведенія океана, которыхъ видъ вселяетъ въ насъ отвращеніе. Я нѣсколько разъ бывалъ на китайскихъ пиршествахъ, и всегда ходилъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ отвѣдывать всего, что и выполнялъ съ истиннымъ геройствомъ. Не могу сказать, чтобы что-либо было дурнаго вкуса, и только мысль о томъ, изъ чего приготовлены многія кушанья, иногда пробуждала во мнѣ отвращеніе.

Китайцы особенно любятъ всѣ студенистыя вещества, которымъ они приписываютъ особое крѣпительное дѣйствіе. Къ этимъ веществамъ относятся и птичьи гнѣзда. За нихъ платятъ очень дорого, и безъ нихъ не можетъ быть пиршества въ порядочномъ домѣ. Относительно вкуса птичьихъ гнѣздъ, я вполнѣ раздѣляю мнѣніе прочихъ европейцевъ. Они совершенно безвкусны, и если бы мнѣ не сказали, что я ѣмъ, то я принялъ бы птичьи гнѣзда за лапшу. Эти гнѣзда ввозятся съ Индѣйскаго Архипелага, именно съ Явы и Суматры, гдѣ птицы гнѣздятся иногда въ неприступныхъ пещерахъ. Гнѣзда рачительно очищаютъ, варятъ и опять чистятъ, послѣ чего онѣ становятся почти прозрачными и бѣловатыми. Послѣ такого подготовленія ихъ рѣжутъ какъ лапшу, и варятъ въ мясномъ отварѣ. Фунтъ хорошихъ гнѣздъ стоитъ около 15 рублей; слѣдовательно супъ изъ нихъ довольно дорогъ.

Китайскій обѣдъ начинается неизбѣжнымъ чаемъ, которымъ и оканчивается. При порядочномъ званомъ обѣдѣ, подаютъ 40 или 50 кушаньевъ. Это, впрочемъ, не очень много, потому что на каждомъ блюдѣ находится не болѣе двухъ трехъ кусочковъ для гостя. Обыкновенно подаютъ сразу по 5 или 6 блюдъ. Ихъ становятъ на столъ, который бываетъ такой величины, что гости, безъ особыхъ неудобствъ, могутъ достать кушанье. Къ этимъ блюдамъ постепенно присоединяютъ другія. Все плаваетъ въ обильномъ соусѣ, большею частью приправленномъ чеснокомъ. Мясная пища уже разрѣзана на кусочки, такъ что гостямъ не нужно употреблять за столомъ ножей. Кусочки подхватываютъ палочками и подносятъ ко рту. Палочки изъ слоновьей кости или чернаго дерева, будутъ толщиною въ карандашъ и длиною въ полфута. Онѣ круглы и на порядочномъ столѣ всегда стоятъ чашки наполненныя ими, чтобы гости могли по мѣрѣ надобности брать чистыя. Разумѣется, что эти палочки новы и еще не были въ употребленіи. Китайцы ѣдятъ ими отлично, а для европейцевъ онѣ крайнѣ неудобны. Неловкость европейцевъ, обыкновенно очень забавляетъ китайцевъ. Если бы хозяинъ не помогалъ имъ и не клалъ на палочку нѣсколько кушанья, то европейцу пришлось бы выйти изъ-за стола голоднымъ. Супъ ѣдятъ изъ фарфоровыхъ тарелокъ, фарфоровыми ложечками. Возлѣ каждаго прибора стоитъ красивый чайникъ съ самчу, китайскою водкою, приготовленною изъ риса. Ее пьютъ фарфоровыми рюмочками не больше наперстка, потому что она очень крѣпка, и дѣйствуетъ особенно вредно на европейцевъ. Европейскіе матросы, которые напиваются этою водкою допьяна, подвергаются нерѣдко бѣшеной ярости, и бьются головою объ стѣну. Китайцы къ ней привыкли и пьютъ ее въ довольно значительномъ количествѣ, такъ что ихъ отнюдь нельзя назвать умѣренными. Въ приморскихъ городахъ можно достать и европейскія вина. На одномъ обѣдѣ, мы пили красное вино и шампанское, хотя нашъ хозяинъ только отвѣдывалъ эти напитки. У китайцевъ водится пить за здоровье другъ друга почти по англійскому обычаю. Сначала хозяинъ подымаетъ рюмочку, и киваетъ головою гостю, котораго уже предупредилъ слуга, а затѣмъ опорожняетъ рюмку. Эта церемонія исполняется со всѣми, и уже по этому при большихъ пиршествахъ невозможно употреблять нашихъ рюмокъ и стакановъ. Тѣмъ не менѣе большую часть гостей слуги уносятъ домой въ безсознательномъ состояніи, подъ защитою вечерней темноты и въ закрытыхъ носилкахъ. Такому опьянѣнію много содѣйствуетъ игра, въ родѣ итальянской спорры. Одинъ изъ гостей подымаетъ нѣсколько пальцевъ, а другой долженъ угадать ихъ число, на сколько пальцевъ онъ ошибся, столько онъ долженъ выпить рюмокъ водки.

Когда столъ слишкомъ переполняется блюдами, настаетъ пауза, въ которую все убираютъ, и каждому гостю подаютъ полотенце, выжатое и смоченное въ горячей водѣ, чтобы вытереть ротъ и руки. Вскорѣ за тѣмъ ѣда возобновляется, и пиръ длится обыкновенно 4 или 5 часовъ. Подъ конецъ, обыкновенно подаютъ блюдо риса, а затѣмъ дессертъ, состоящій изъ плодовъ, варенья и всякаго печенья. При большихъ обѣдахъ обыкновенно бываютъ музыка и театральныя представленія, составляющія для европейца самыя непріятныя придачи. Подобные

обѣды рѣдко задаютъ въ домѣ, а большею частью въ гостиницахъ, вѣроятно, чтобы не нарушить домашняго спокойствія. Для простонародья существуютъ многія гостиницы, а также подвижныя кухни, въ которыхъ, за нѣсколько мѣдныхъ монетъ, даютъ горячее и холодное кушанье.

При чрезвычайной разборчивости богачей въ пищѣ, бѣдняки мало обращаютъ вниманія на происхожденіе вещества, лишь бы оно утоляло голодъ. Къ этому принуждаетъ ихъ нужда, которая и обратила китайца въ чрезвычайно искуснаго повара, умѣющаго готовить необычайно разнообразныя блюда. Все то, что только годится для употребленія въ пищу, поступаетъ въ китайскую кухню, и дѣлается тамъ вкуснымъ или по крайней мѣрѣ сноснымъ. Я уже упомянулъ о множествѣ видовъ салата. Мнѣ кажется, въ Китаѣ нѣтъ растенія, котораго листья не употреблялись бы для этого. Рисъ составляетъ главную пищу всѣхъ классовъ и, какъ у насъ говорятъ, насущный хлѣбъ; подобнымъ образомъ китайцы толкуютъ объ утреннемъ и вечернемъ рисѣ, потому что тамъ ѣдятъ два раза въ сутки. Для мясныхъ блюдъ, подаваемыхъ впрочемъ у людей зажиточныхъ, главный матеріалъ составляютъ свиньи, которыхъ мясо китайцы очень любятъ, особенно если оно жирно. На югѣ вовсе нѣтъ овецъ, а рогатаго скота въ Китаѣ до того мало, что очень рѣдко продаютъ говядину. Изъ домашнихъ птицъ предпочитаютъ утокъ, которыя находятся въ лавкахъ сотнями, вареныя, жареныя, копченыя, битыя и живыя. Собакъ, кошекъ и крысъ также не щадятъ. Особенно отлично выбритыя крысы, красиво развѣшаны въ мясныхъ лавкахъ. Среднія и низкія сословія рѣдко видятъ у себя на столѣ мясо, но питаются рыбою, которою богаты морскіе берега и рѣки. Поэтому въ Китаѣ рыбная ловля очень важная промышленность, и вычислено, что ею занимается десятая часть населенія. Судя по тому, что я видѣлъ у береговъ, гдѣ насъ ежедневно окружали тысячи рыбачьихъ джонокъ — этому вѣрить можно. Нѣтъ прибора, которымъ бы не преслѣдовали рыбъ съ успѣхомъ. Ихъ ловятъ всякаго рода сѣтями, крючками, гарпунами и острогами. Рыбу ловятъ днемъ и ночью, при свѣтѣ луны и факеловъ, учеными птицами, корзинами, вершами и кольями. Участокъ воды стоитъ для китайца столько же, сколько плодородная земля. Гдѣ нѣтъ рыбы, ее разводятъ искусственно посредствомъ икры, которою производится во всемъ государствѣ большая торговля. Китайскій рыбный рынокъ чрезвычайно оживленъ, шуменъ и интересенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самое грязное и вонючее мѣсто въ городѣ. Рѣчныхъ рыбъ торговцы всегда рачительно держатъ въ свѣжей водѣ и вечеромъ сажаютъ непроданныхъ въ прудъ; морскія рыбы очень скоро претерпѣваютъ вліяніе теплоты и ихъ солятъ только тогда, когда это уже крайне необходимо. Море и пруды доставляютъ для стола еще другіе предметы, годные для употребленія въ пищу, раковъ, краббовъ, — словомъ всякихъ крупныхъ скорлупняковъ, голотурій, морскихъ ежей, а также водяные каштаны (scirpus tuberosus), лотосъ (velumbium) и морскую траву. Послѣднюю завозятъ въ огромномъ количествѣ изъ Японіи и Кореи и острововъ Льючью, гдѣ она растетъ у береговъ. Это камышеобразное растеніе имѣетъ толстые губчатые листья и, какъ говорятъ, содержитъ питательныя вещества. Его ѣдятъ съ рисомъ и оно безъ сомнѣнія служитъ не болѣе какъ приправою по содержанію соли.

Земледѣліе китайцевъ. Разведеніе риса и хлопчатой бумаги. Шелководство. Тканье и вышиваніе. Выдѣлка фарфора и металловъ. Рѣзьба дерева и доски. Искусство и недостаточность художественности. Врачебное искусство.

Главное занятіе китайцевъ земледѣліе, и многочисленность жителей заставила усовершенствовать эту отрасль народнаго хозяйства до такой степени, что ему давно уже удивляются посѣтители. Земледѣліе китайцевъ заслуживаетъ полнаго вниманія, хотя оно, какъ и многое другое, преувеличено путешественниками. Нельзя отрицать, что китайцы лучше насъ умѣютъ извлечь пользу изъ плодоносной земли, но они далеко уступаютъ намъ въ умѣньѣ улучшить безплодную почву. Цвѣтущее состояніе полей китайцевъ обусловливается рачительнымъ воздѣлываніемъ, удобреніемъ и подготовленіемъ сѣмени къ посѣву.

Земледѣліе въ Китаѣ слѣдовало бы гораздо вѣрнѣе называть огородничествомъ. Всѣ поля походятъ на огороды и даже рисъ, который замѣняетъ китайцамъ наши хлѣбныя зерна, не сѣютъ, но сажаютъ отдѣльно въ землю руками. Такой способъ разведенія растеній примѣнимъ въ одномъ Китаѣ, гдѣ за работу платятъ крайне дешево, и нѣтъ большихъ помѣстій. Земледѣліе въ большихъ размѣрахъ вовсе неизвѣстно. Всякое семейство обладаетъ обыкновенно близъ своего дома такимъ пространствомъ земли, что оно можетъ прокормиться ея произведеніями, и избыткомъ, можетъ покрыть остальныя потребности. Этому пространству земли посвящаютъ всю дѣятельность члены семейства, и его обработываютъ такъ, какъ у насъ не возможно по дороговизнѣ ручнаго труда. Китайскія деревни большею частью обширны, и, какъ мы уже замѣтили, въ нихъ каждый крестьянскій дворъ находится близъ принадлежащихъ къ нему полей.

Въ большихъ равнинахъ разсѣяны очень многія хозяйства. Большею частью такія загородныя зданія лучше и чище городскихъ, и имѣютъ привѣтливый видъ, потому что окружены плодовыми деревьями.

Китайцы удобряютъ не по-нашему. До посѣва, на поле не выбрасываютъ плотнаго удобренія, а поливаютъ каждое посаженное растеніе жидкимъ. Въ Китаѣ очень мало скота. Лошадей вовсе не разводятъ для сельскаго хозяйства, а рогатый скотъ въ маломъ количествѣ, для употребленія на рисовыхъ поляхъ при плугѣ. Овцы и ослы водятся только на сѣверѣ. Однихъ свиней и утокъ разводятъ повсюду, потому что эти животныя не зависятъ непосредственно отъ земледѣлія, и питаются различными остатками домашняго хозяйства. Молоко, сыръ и масло совершенно неизвѣстны. Кожи китайцы употребляютъ чрезвычайно мало, потому что носятъ обувь изъ соломы, хлопчатой бумаги, шелку и войлока. Кромѣ свинины и домашнихъ птицъ не имѣютъ почти ни какого мяса. Поэтому скотоводство развито очень мало. Количество плодородной почвы не соотвѣтствуетъ многочисленности жителей, почему необходимо отказаться отъ луговъ. Я видѣлъ деревни въ 1,500 или 2,000 человѣкъ, гдѣ скота было всего три или четыре быка, притомъ довольно плохихъ. Скотину выгоняютъ только туда, гдѣ нельзя дѣлать посѣва. Сѣно совершенно неизвѣстно въ Китаѣ, и лица, держащія тамъ лошадей, выписываютъ для нихъ кормъ изъ Европы.

По этому въ Китаѣ очень чувствителенъ недостатокъ въ удобреніи, и на поля кладутъ все, что сколько нибудь можетъ улучшить почву. Для примѣра, я упомяну только, что многіе люди снискиваютъ себѣ пропитаніе собираніемъ сбритыхъ волосъ, которые они продаютъ какъ удобреніе. Съ перваго взгляда, это, можетъ быть, покажется смѣшнымъ; но должно вспомнить, что въ Китаѣ ежедневно брѣютъ головы по крайней мѣрѣ милліону людей.

Рисовыхъ полей вовсе не удобряютъ, но засѣваемыя зерна, какъ и всѣ зерна вообще, вымѣшиваютъ предварительно въ перебродившемъ жидкомъ удобреніи, чѣмъ не только способствуютъ ихъ прорастанію, но и защищаютъ въ землѣ отъ прожорливости насѣкомыхъ. Оттого этотъ способъ заслуживаетъ вниманія нашихъ сельскихъ хозяевъ.

Нашихъ хлѣбныхъ зеренъ въ Китаѣ почти вовсе не разводятъ, но, по мѣрѣ возможности, засѣваютъ рисъ, главное питательное вещество народа. Это зерно сѣютъ на наносныхъ равнинахъ, которыя можно удобно орошать. Такихъ полей въ государствѣ много, особенно на югѣ, составляющемъ житницу Китая, хотя и не удовлетворяющую всѣмъ потребностямъ, потому что ежегодно привозятъ много рису изъ Сіама, Кохинхины и съ Явы. Когда поля покрылись въ мартѣ водою отъ обильныхъ дождей, ихъ обрабатываютъ плугомъ или лопатами, пока они еще мокры, и сажаютъ въ подготовленную землю молодой рисъ, взошедшій уже на многихъ маленькихъ поляхъ. Молодыя растенія пересаживаютъ на настоящія поля, когда они поднялись до высоты въ 5 или 6 дюймовъ. Рисъ сажаютъ всегда кучками, размѣщая ихъ на разстояніи 6 или 8 дюймовъ одну отъ другой. Послѣ этого, поле заливаютъ слоемъ воды въ нѣсколько дюймовъ, пока растенія не пожелтѣютъ и не настанетъ пора зрѣлости. Тогда воду постепенно спускаютъ, чтобы, къ наступленію поры жатвы, поле было сухо. Пучки срѣзываютъ серпообразными ножами и снопы немедленно увозятъ домой. Непосредственно послѣ этого, почву подготовляютъ для втораго посѣва, и вторая жатва бываетъ въ ноябрѣ. Рисъ также какъ наше зерно, вымолачиваютъ въ ригахъ цѣпомъ и слущиваютъ зерна толчеями, которыя иногда построены мельницами, приводимыми въ движеніе быками. Большею же частью шелушенье производится отъ руки въ полушарообразныхъ каменныхъ ступкахъ, куда засыпаютъ зерна и толкутъ тяжелымъ деревяннымъ пестомъ въ видѣ притупленнаго конуса. Стержень песта прикрѣпленъ къ вертящемуся валу съ длиннымъ рычагомъ. Опуская и подымая этотъ рычагъ ногою, приводятъ пестъ въ надлежащее движеніе.

Для орошенія полей, китайцы имѣютъ многія простыя, но очень остроумныя и дѣйствительныя устройства, которыя, вѣроятно, такъ же древни, какъ и исторія ихъ земледѣлія. Кромѣ водоподъемныхъ колесъ, въ родѣ употребляемыхъ у насъ на рѣкахъ, слѣдуетъ еще упомянуть о простомъ устройствѣ, помощью котораго воду подымаютъ на берега, вышиною въ 40 или 50 футовъ. Это дѣлается огромнымъ колесомъ въ родѣ нашихъ подливныхъ, но оно построено изъ бамбука и потому, при большой крѣпости, очень легко и подвижно. Вмѣсто лопатокъ къ окружности колеса придѣланы нѣсколько косвенно бамбуковыя трубки, закрытыя съ одного конца и имѣющія 3 или 4 дюйма въ поперечникѣ. Теченіе рѣки, приводитъ это колесо въ движеніе, и одна трубка подымается за другою, выливая зачерпнутую воду сверху въ желобъ, изъ котораго влага струится на поле.

Кромѣ риса, на поляхъ разводятъ бобы и горохъ. Послѣдній часто продаютъ не зрѣлый. На сѣверѣ разводятъ родъ бобовъ, изъ которыхъ выжимаютъ масло, общеупотребительное для кушанья и жженія. Выжимки этихъ бобовъ отправляютъ въ огромномъ количествѣ на югъ, гдѣ

онѣ служатъ для корма скоту и удобренія земли. Развозкою этого произведенія, занимаются очень многія купецкія суда.

Всѣ европейскіе плоды водятся на сѣверѣ Китая, между тѣмъ, какъ на югѣ растутъ плоды тропическіе. Почти повсюду берега рѣкъ усажены плодовыми деревьями, которыя отлично растутъ въ наносной почвѣ, и во всякомъ случаѣ полезнѣе сажаемыхъ у насъ ивъ и ольхъ. Всѣ тропическіе плоды Китая очень вкусны; но груши, яблоки и сливы имѣютъ лишь превосходный видъ, а вкусомъ походятъ на брюкву. Только персики и виноградъ отличны. Оттого костянковые плоды ѣдятъ не сырые, а только жареные и вареные съ сахаромъ. Китайцы мастерски приготовляютъ плодовое варенье, и заводъ Чайлунга въ Кантонѣ пользуется всемірною извѣстностью.

Замѣчательно, что въ Китаѣ не разводятъ картофеля, хотя для него на сѣверѣ есть хорошая почва, и онъ могъ бы ослабить часто повторяющійся голодъ, вслѣдствіе затопленія очень низкихъ рисовыхъ полей. Около ста лѣтъ съ успѣхомъ разводятъ картофель для чужеземцевъ. По неосновательному отвращенію китайцевъ ко всякому нововведенію, особенно иноземному, они до сихъ поръ не рѣшались подражать этому примѣру.

Одну изъ главныхъ отраслей сельско-хозяйственной промышленности составляетъ разведеніе хлопчатой бумаги. Одежда простолюдиновъ, какъ я уже замѣтилъ, состоитъ исключительно изъ плотной и прочной ткани, называемой у насъ нанкою и имѣющей желтый цвѣтъ, потому что приготовляется изъ небѣленой желтой хлопчатой бумаги. Всѣ ткани выдѣлываютъ въ Китаѣ на ручныхъ станкахъ, потому что тамъ нѣтъ ни фабрикъ, ни паровыхъ машинъ. Въ деревняхъ въ каждомъ домѣ есть ткацкій станокъ, на которомъ хозяйка изготовляетъ ткани, нужныя для ея домашнихъ. Прялки похожи на наши, но на нихъ прядутъ сразу по три нити, чего мнѣ не случалось видѣть въ Европѣ. Ребенокъ навертываетъ хлопчатую бумагу на бамбуковыя палочки длиною въ полфута, которыя мать держитъ лѣвою рукою одну возлѣ другой, между тѣмъ какъ правая вытягиваетъ три ровныя тонкія нити пряжи. Постепенно въ Китаѣ начинаетъ распространяться англійская пряжа, особенно на сѣверѣ, гдѣ больше потребности, ткань трудно получить отъ мѣстныхъ земледѣльцевъ, а привозъ съ юга сухимъ путемъ обходится очень дорого. На югѣ ввозъ ограничивается только ширтингомъ. Китайская ткань, хотя и дорога, но вдвое или втрое крѣпче англійской, и потому практическіе китайцы не дадутъ вытѣснить ее произведеніями рыжихъ варваровъ, пока почва будетъ удовлетворять потребности государства.

Другое произведеніе Китая, сдѣлавшееся важнымъ и для Европы, есть чай. Для Китая это растеніе особенно важно, потому что составляетъ единственный народный напитокъ, за исключеніемъ рисовой водки самчу, употребляемой въ сравнительно маломъ количествѣ. Сырой воды китайцы не пьютъ почти никогда, и на меня всегда смотрѣли съ изумленіемъ, когда я, въ китайскомъ домѣ, просилъ подать себѣ чашку воды. Чайники стоятъ на огнѣ отъ ранняго утра до поздняго вечера, и немедленно по вступленіи въ домъ гостю предлагаютъ чай, также какъ на остальномъ востокѣ кофе. Кромѣ того, чай подаютъ за всякимъ обѣдомъ. Чай изготовляютъ въ Китаѣ не въ чайникѣ, а въ самой чашкѣ, которая снабжена крышкою, но не имѣетъ ручки. При питьѣ немного отодвигаютъ крышку, берутъ чашку большимъ и указательнымъ пальцемъ за верхъ и низъ, и пьютъ чай черезъ щель между чашкою и крышкою, почему листья не попадаютъ въ ротъ. Для каждой чашки берутъ свѣжій чай. Вообще приготовленію чая можно выучиться только въ Китаѣ, и настоящій его ароматъ теряется, если его приготовляютъ не такъ какъ живущіе въ Китаѣ европейцы. Для 4 или 6 человѣкъ берутъ полную столовую ложку чаю, наливаютъ на него кипятокъ, даютъ смѣси стоять минуту, и затѣмъ разливаютъ въ чашки. Настаиваніе только портитъ чай и лишая его пріятнаго вкуса, дѣлаетъ крѣпкимъ. Кто желаетъ пить хорошій чай, долженъ приготовлять его по этому способу.

Извѣстно, что существуютъ два сорта чая, черный и зеленый, изъ которыхъ большею частью предпочитаютъ первый, потому что онъ дешевле и здоровѣе, а зеленому приписываютъ вредное возбудительное дѣйствіе. Хотя черный чай выдѣлываютъ преимущественно въ провинціи Фокіенѣ, а зеленый въ Чекіангѣ, оба сорта однако происходятъ отъ одного и того же растенія, и отличаются только по цвѣту и способу приготовленія. Черный чай подвергаютъ дѣйствію жара долѣе зеленаго. Кромѣ того въ черномъ чаѣ больше деревянистыхъ частей, а въ зеленомъ жилки сняты. Кромѣ того зеленый чай болѣе портится отъ влажности, и поэтому онъ дѣлается дороже чернаго. Во всякомъ случаѣ чистая выдумка, будто зеленый чай получаетъ свой цвѣтъ отъ жаренія на мѣдныхъ пластинкахъ. Впрочемъ помощью химическаго изслѣдованія опредѣлено, что при выдѣлкѣ зеленаго чая употребляютъ красильное вещество, отъ котораго, можетъ быть, зависитъ возбудительное дѣйствіе.

Чайное растеніе разводятъ на поясѣ между 27° и 33° широты, на всемъ протяженіи Китая отъ запада къ востоку. Это растеніе любитъ горные склоны, гдѣ нѣтъ очень толстаго слоя чернозема, и тамъ его разводятъ по преимуществу. Сборъ начинается тотчасъ послѣ появленія листьевъ. Первыя почки покрыты бѣлыми шелковистыми волосками, и изъ нихъ приготовляютъ сортъ называемый въ Европѣ пекко. Это названіе испорченное слово пако, которое значитъ *бѣлый паръ*. Листья, росшіе нѣсколько дней, доставляютъ чернолистный пекко, мясистые и развитые листья сортъ сучонгъ, болѣе грубые конго, а послѣдній сборъ бочео. Сортъ бочеа названъ по области, откуда его получаютъ преимущественно. Конго передѣлка китайскаго слова кунгфу (трудъ настойчивости), а сучонгъ образовался изъ слова сеаучунгъ, т. е. мелкій или рѣдкій сортъ.

Лучшіе сорты сучонга душатъ въ южномъ Китаѣ ясминообразными цвѣтами. На сѣверѣ же его пьютъ чистый, безъ всякихъ примѣсей, почему онъ кажется менѣе вкусенъ европейцамъ, рѣдко получающимъ въ своемъ отечествѣ чистый чай. Зеленые сорты чая раздѣляютъ на тванка и лейсонъ, гейсонъ и юнгъ–хейсонъ, изъ которыхъ послѣдній высшій. Слово хейсонъ значитъ *цвѣтущая весна*, и чай этого названія самый драгоцѣнный. Каждый листочекъ свертываютъ въ отдѣльности, и отъ зернистаго вида этотъ чай англичане прозвали огнестрѣльнымъ порохомъ.

Въ Китаѣ разводятъ еще другое растеніе, въ ботаническомъ отношеніи очень похожее на чайное дерево, и называемое у китайцевъ одинаковымъ именемъ. Это растеніе маслоносная камелія (camelia oleifera); оно отличается отъ чайнаго дерева преимущественно формою сѣменныхъ коробокъ. Изъ сѣмени добываютъ вкусное масло, замѣняющее въ Китаѣ коровье. Это масло извлекаютъ такимъ же образомъ какъ изъ сѣмени кротона (croton sebiferum) общеупотребительное для приготовленія свѣчей. Сѣмена этого растенія покрыты салообразнымъ жирнымъ веществомъ. Сѣменныя коробки раздавливаютъ въ желѣзномъ котлѣ тяжелымъ колесомъ, кладутъ затѣмъ въ мѣшки, нагрѣваютъ надъ огнемъ и выжимаютъ. Кротоновое масло трудно застываетъ, и оттого свѣчи изъ него покрываютъ слоемъ воска. Эти свѣчи однако плохо свѣтятъ, горятъ скоро и сильно коптятъ. Сала или жиру животныхъ въ Китаѣ для выдѣлки свѣчъ не употребляютъ.

Слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ о шелководствѣ, которое въ Европѣ сдѣлалось постепенно столь же важнымъ, какъ и въ Китаѣ, и вмѣстѣ съ чаемъ становится ежегодно все болѣе значительнымъ предметомъ вывоза имперіи.

Замѣчательно, что китайцы, занимающіеся почти только земледѣліемъ, и бывшіе вѣроятно пастушескимъ племенемъ, перешедшимъ изъ внутренности Азіи къ юговостоку, совершенно измѣнили первоначальные обычаи, и вовсе не нуждаются въ животныхъ, доставлявшихъ ихъ предкамъ пищу и одежду, а замѣнили все произведеніями растительнаго царства. Рисъ сдѣлался главнымъ питательнымъ веществомъ, а одежда изъ хлопчатой бумаги и шелку, который вполовину можно считать произведеніемъ растенія, потому что его полученіе въ сущности зависитъ отъ разведенія извѣстнаго дерева. Этотъ фактъ можно объяснить себѣ только тѣмъ, что Китай уже въ древности имѣлъ чрезмѣрное населеніе, и скотина должна была уступить мѣсто человѣку, чтобы онъ могъ обратить пастбища въ поля.

Шелководство безспорно китайское изобрѣтеніе, и перешло оттуда въ Грецію и Римъ. Въ китайскихъ лѣтописяхъ введеніе шелководства относятъ къ тѣмъ же баснословнымъ временамъ когда началось земледѣліе. Оба эти занятія составляютъ предметъ обученія, преподаваемаго два раза въ мѣсяцъ публично, и при этомъ между прочимъ говорятъ: «съ древнѣйшихъ временъ сынъ неба управлялъ плугомъ, а императрица посадила шелковичное дерево. Эти высокія особы не стыдились подобнаго труда, желая подать благородный примѣръ соревнованія милліонамъ подданныхъ, и побудить ихъ не пренебрегать существенными интересами.» Первое предложеніе этой выписки относится къ тому, что императоръ ежегодно весною, въ сопровожденіи двора, освящаетъ земледѣліе, проводя собственноручно борозду плугомъ, между тѣмъ какъ императрица, покровительница шелководства, сажаетъ тутовое дерево.

Хорошій шелкъ выдѣлываютъ только въ провинціяхъ Чекіангѣ, Кіангнанѣ, Гупѣ и Шечуанѣ. Чекіангъ доставляетъ самый лучшій бѣлый шелкъ и Шангхаи, главное его складочное мѣсто. Въ одномъ 1861 году оттуда вывезли 78,000 тюковъ. Всѣ упомянутыя четыре провинціи пересѣкаются подъ 30° широты, и имѣютъ приблизительно климатъ сѣверной Италіи. Чекіангъ богатъ наносными равнинами, и пересѣкается множествомъ рѣкъ и каналовъ.

По понятіямъ китайцевъ, для полученія хорошаго шелка, всего важнѣе рачительно заботиться, чтобы тутовыя деревья доставляли какъ можно болѣе молодыхъ здоровыхъ листьевъ, и не производили плодовъ. Для этого деревьямъ даютъ расти только до извѣстной высоты и лѣтъ. Ихъ разсаживаютъ въ надлежащемъ раз-

стояніи одно отъ другаго, и удобряютъ подъ ними землю обыкновенно рѣчнымъ иломъ и золою. Въ началѣ года ихъ подрѣзаютъ, оставляя на каждой вѣткѣ приблизительно лишь четыре почки, и заботятся чтобы со всѣхъ сторонъ на растеніе доходило солнце. Листья срываютъ съ лѣстницы, не прислоненной къ дереву, для того чтобы послѣднее не испортилось. Послѣ сбора листьевъ, вѣтви подрѣзаютъ еще болѣе, и черезъ три мѣсяца опять можно повторить срываніе листьевъ. Если деревья слишкомъ стары т. е. доставляютъ слишкомъ грубые листья, ихъ замѣняютъ новыми. Домы для разведенія шелковичныхъ червей находятся обыкновенно въ совершенномъ уединеніи, посреди плантаціи тутовыхъ деревъ, чтобы предохранить животныхъ, по возможности, отъ всякаго шума, такъ какъ замѣчено, что внезапный крикъ, собачій лай и т. п. опасны для молодыхъ гусеницъ. Извѣстны случаи, въ которыхъ гусеницы вышедшія изъ яичекъ погибали отъ грома. Комната гусеницъ устроена такимъ образомъ, что ее, при холодной погодѣ можно отоплять. Особое вниманіе обращаютъ на полосы бумаги, на которыя бабочки кладутъ яйца. Выведеніе гусеницъ изъ яичекъ обусловливаютъ теплотою или холодомъ, смотря по обстоятельствамъ, чтобы онѣ вылупились именно къ тому времени, когда нѣжные весенніе листья тутоваго дерева уже годятся для кормленія животныхъ. Листья отвѣшиваютъ гусеницамъ, и въ первое время разрѣзаютъ; позднѣе же, когда онѣ уже окрѣпли, ихъ даютъ цѣликомъ. Особое вниманіе обращаютъ на ровность теплоты въ комнатѣ гусеницъ, а также на совершенную чистоту въ ней и отсутствіе всякаго запаха. Червей кормятъ на цыновкахъ, которыя для чистоты часто мѣняютъ. Чѣмъ больше гусеницы выростаютъ, тѣмъ больше раскладываютъ цыновокъ, чтобы животныя имѣли довольно мѣста для движенія. Когда гусеницы перемѣнили извѣстное число разъ кожу и совершенно выросли, что узнаютъ по желтоватому прозрачному цвѣту, ихъ помѣщаютъ на полки, подготовленныя для окукленія. Черезъ недѣлю послѣ начала окукленія, коконы готовы, и ихъ употребляютъ пока бабочка не попортила шелка, вышедши изъ куколки. Часть коконовъ оставляютъ, а остальные убиваютъ, укладывая ихъ въ горшки слоями, между которыми засыпаютъ соль и листья, и плотно замазываютъ. Позднѣе ихъ кладутъ въ тепловатую воду которая растворяетъ слизистое вещество, склеивающее отдѣльныя нити, а затѣмъ сматываютъ шелкъ. Сырецъ свертываютъ связками опредѣленной величины и формы, онъ тогда поступаетъ въ продажу какъ сырой матеріалъ, или прядется и обращается на ткацкомъ станкѣ въ разныя ткани.

Не смотря на простоту станковъ, китайцы изготовляютъ на нихъ не только самыя лучшія ткани, но и выдѣлываютъ искусно самые щегольскіе и новѣйшіе рисунки по англійскимъ и французскимъ образцамъ. Особенно хорошо дѣлаютъ камку и атласъ, а съ китайскимъ шелковымъ крепомъ можетъ соперничать только японскій. Такъ же знамениты китайскія вышивки, которымъ можно отчасти удивляться на креповыхъ шаляхъ вывозимыхъ въ Европу. Но самыя лучшія произведенія подобнаго рода остаются въ имперіи, и ихъ не видятъ чужеземцы, потому что они приготовляются для императорскаго дома. При грабежѣ дворца, такія мастерскія произведенія въ значительномъ числѣ попали въ Шангхаи и въ руки европейцевъ, которые покупали ихъ у солдатъ сначала за безцѣнокъ. Каждый удержалъ у себя, что ему удалось достать, и мы могли только удивляться великолѣпію этихъ предметовъ, и позавидовать ихъ владѣльцамъ. Такого богатства ткани, цвѣтовъ и шитья никто изъ насъ еще не видалъ. Для такихъ издѣлій у насъ не найдется ни мастера, ни покупателя.

Вся китайская промышленность оригинальна и характеристична. Доказательствомъ тому служитъ видъ ремесленныхъ инструментовъ, вовсе не похожихъ на наши. На что ни посмотришь, на топоръ, пилу, наковальню, сверло, мѣхи, все сдѣлано не такъ какъ у насъ, но притомъ не менѣе практично. Можно даже сказать, что отличительная черта китайскихъ инструментовъ заключается въ возможной удобопримѣнимости при практической простотѣ и дешевизнѣ.

Мы выучились у китайцевъ шелководству, они изобрѣли порохъ и компасъ раньше нашего, и сверхъ того были нашими учителями въ фарфоровомъ дѣлѣ до такой степени, что и понынѣ мы еще не могли достигнуть ихъ совершенства въ этомъ отношеніи. О первомъ фарфоровомъ заводѣ, упомянуто въ китайскихъ лѣтописяхъ VII вѣка нашего лѣтосчисленія. Онъ находился въ провинціи Кіангси, гдѣ и теперь всего больше приготовляютъ фарфоръ. Знаменитыя печи Кіангтачина, доставляющія лучшія издѣлія, устроены однако лишь триста лѣтъ позднѣе. Превосходство китайскаго фарфора заключается въ его твердости, тонкости излома, прозрачности и способности выносить жаръ, не получая трещинъ. Въ этихъ отношеніяхъ мы тщетно старались превзойти китайскій фарфоръ. Что же касается до формы и рисунковъ, то севрскій, мейсенскій и берлинскій фарфоръ гораздо красивѣе самаго дорогаго китайскаго. Пока еще не разъяснено, какимъ образомъ изготовляютъ въ Китаѣ фарфоръ. Сколько намъ извѣстно, кажется, что въ Китаѣ мельче ме-

лютъ фарфоровую землю чѣмъ у насъ, и кромѣ того говорятъ, что они присоединяютъ неизвѣстную намъ породу кварца.

Самый лучшій фарфоръ выдѣлывали нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, и онъ очень рѣдокъ и дорогъ. Богатые китайцы покупаютъ его за громадныя цѣны, и присоединяютъ къ своимъ собраніямъ древностей, которыя находятся у всякаго зажиточнаго человѣка. Что попало изъ древняго фарфора въ Европу, расчетливые купцы закупаютъ и отправляютъ обратно въ Китай. Я присутствовалъ при аукціонахъ подобныхъ вещей, и видѣлъ, что китайцы покупаютъ ихъ за неслыханныя цѣны. Особенно охотно берутъ то, что англичане называютъ cracker vare. Это обыкновенно вазы вышиною отъ 12 до 16 дюймовъ желтовато-бѣлаго цвѣта и безъ всякихъ украшеній и красивой формы. Вся драгоцѣнность ихъ заключается въ томъ, что на нихъ глазурь повсюду полопалась на мелкіе неправильные четыреугольники. Это производили въ прежнія времена при выдѣлкѣ фарфора искусственно. Тайна приготовленія однако пропала въ Китаѣ, и оттого оставшуюся посуду подобнаго рода цѣнятъ столь высоко. Вазы очень стараго вида продавались по 50 или 60 таэлей. Я однако убѣжденъ, что англійскіе фабриканты вновь открыли тайну, и приготовляли вазы вновь. Въ поддѣлкѣ и подражаніи сами китайцы большіе мастера, но по надменной самоувѣренности никакъ не могутъ полагать, что ихъ обманываютъ фарфоромъ, а это облегчаетъ выгодную промышленность мнимыми древностями. Китайскаго фарфора почти вовсе не вывозятъ, потому что европейскій дешевле и красивѣе. Только любители рѣдкостей иногда покупаютъ нѣсколько вазъ.

Тоже самое должно сказать о китайскихъ лакированныхъ вещахъ, которыя встарину цѣнились у насъ высоко. Новѣйшія европейскія изобрѣтенія вытѣснили ихъ; хотя нельзя отрицать что тонкія вещи у китайцевъ отличаются большимъ блескомъ, но онѣ и въ Китаѣ очень дороги. Грубый лакъ приготовляютъ изъ сѣмени dryandra cordata, а высшій сортъ изъ особаго рода сумаха (rhees), и дороговизна вещи обусловливается рачительностью наложенія различныхъ тонкихъ слоевъ лака.

Желѣзо китайцы обрабатываютъ довольно хорошо, хотя ихъ издѣлія обходятся дороже чѣмъ у насъ. Ихъ бѣлая мѣдь очень походитъ на серебро, очень мелкозерниста и отлично полируется. Она состоитъ изъ сплава мѣди, цинка, желѣза и небольшаго количества серебра съ примѣсью никеля. Руду долго раздробляютъ, смѣшиваютъ съ порошкомъ угля и медленно разгорячаютъ въ плавильныхъ горшкахъ до расплавленія металловъ. Изъ бѣлой мѣди выдѣлываютъ всевозможныя домашнія вещи. Всего же замѣчательнѣе ее употребленіе на покрываніе чайниковъ. Работу подобнаго рода выполняютъ только въ Китаѣ. Стекла тамъ не выдѣлываютъ, и все находящееся въ Китаѣ стекло завезено изъ Европы. Зеркала изготовляютъ изъ смѣси мѣди, олова и серебра, а фонари изъ бумаги, рога и шелка. Окна на югѣ закрыты бумагою, а на сѣверѣ рогомъ или прозрачными раковинами, обыкновенно тонко шлифованными пластинками перламутровыхъ раковинъ. Иногда китайцы пытаются переплавлять битое европейское стекло, но довольно неудачно. Стекляные стаканы извѣстны въ однихъ приморскихъ городахъ, и стеклянная наша посуда почти вездѣ замѣняется фарфоромъ.

Въ рѣзьбѣ дерева и слоновьей кости, китайцы превосходятъ всѣ другіе народы. Знаменитые костяные шары, которые лежатъ по шести и восьми штукъ одинъ въ другомъ, уже издавна изумляли европейцевъ: не хотѣлось вѣрить, что они сдѣланы изъ одного куска. Но я самъ видѣлъ ихъ приготовленіе, и удивлялся быстротѣ, съ какою ихъ дѣлаютъ. Массивный шаръ прежде всего правильно просверливаютъ по 6 или 8 направленіямъ. Потомъ вырѣзываютъ кривымъ ножемъ вещество между дырками, и отдѣляютъ наружное полушаріе. Когда вырѣзано такимъ образомъ желаемое число шаровъ зачинаютъ обдѣлывать поверхность. За 2 или за 3 рубля можно получить очень хорошенькое произведеніе подобнаго рода. Китайскую рѣзьбу мебели цѣнятъ высоко, и я уже говорилъ, что вещи хорошаго фасона чужеземцы за дорогую цѣну вывозятъ въ Европу. Въ Кантонѣ выдѣлываютъ самыя лучшія вещи подобнаго рода. Кромѣ того китайцы вырѣзываютъ многіе предметы, изъ камней, перламутра и горнаго хрусталя. Особенно охотно покупаютъ вещицы, сдѣланныя изъ камня *ю*, но онѣ стоятъ чрезвычайно дорого, хотя вовсе не красивы по нашимъ понятіямъ. Бутылочки для духовъ изъ агата, весьма замѣчательны. Онѣ не выше 2-хъ дюймовъ, имѣютъ отверзтіе только въ четверть дюйма, и притомъ внутри не только рачительно выглажены, но тамъ еще награвированы мелкія буквы, которыя можно прочитать на просвѣчивающемъ камнѣ.

Въ Китаѣ есть сѣроватый мраморъ съ черными или темно-желтыми полосами, которыя часто имѣютъ очень странную форму, и походятъ на ландшафты, деревья или животныхъ. Такой мраморъ распиливаютъ четыреугольными пластинками, и вѣшаютъ на стѣны для украшенія точно, какъ у насъ картины. Часто фигуры представляютъ поразительное сходство, но этого от-

нюдь нельзя считать произведеніемъ одной природы. Китаецъ такъ сказать по природѣ поддѣлывальщикъ, и скоро выучился вытравливать въ камнѣ желаемые очерки. Оттого въ Кантонѣ, гдѣ всего больше продаютъ такія пластинки, лучше не платить требуемыхъ цѣнъ.

Не смотря на свое искусство въ рѣзьбѣ дерева и камней, китайцы плохіе скульпторы. Всѣ ихъ произведенія въ этомъ родѣ некрасивы, неуклюжи и уродливы. Трудно представить себѣ чтобы у народа, столь давно просвѣщеннаго и умственно развитаго, вовсе не было таланта къ художеству. Утверждаютъ, что китайцы, напримѣръ, считаютъ въ музыкѣ высшимъ искусствомъ негармоническіе звуки страшныхъ ихъ инструментовъ. Это можетъ быть относительно низшихъ классовъ населенія. Я наблюдалъ у образованныхъ китайцевъ совершенно противное. Въ Шангхаи музыканты Арконы два раза въ недѣлю играли публично. Простолюдины проходили мимо нихъ равнодушно, порядочные люди, жившіе по близости сходились туда; они съ очевиднымъ наслажденіемъ слушали музыку, и не уходили до ея окончанія. Молодой Кинлинъ въ Кантонѣ не отходилъ отъ фортепіана, если кто нибудь изъ насъ игралъ на немъ, и на его лицѣ выражались тогда радость и волненіе. Это доказываетъ, что любовь къ художественному только дремлетъ въ народѣ. Главныя причины тому заключаются въ продолжительномъ устраненіи государства отъ остальнаго міра и въ недостаткѣ поощренія художествъ въ Китаѣ. Пренебреженіе развитія наклонности къ художествамъ основывается на политикѣ правительства, которое старается подавить всякую роскошь, и цѣнитъ только тѣ труды, которые доставляютъ народу пищу. Если нынѣшніе перевороты, по всей вѣроятности безразлично откроютъ Китай для чужеземцевъ, и при развитіи торговли явится могучій источникъ для пропитанія народа, то правительство не станетъ столь строго держаться прежнихъ правилъ, при увеличеніи же благосостоянія пробудится и любовь къ художествамъ.

Свободное искусство, въ Китаѣ, врачебное, потому что имъ можетъ заниматься всякій безъ надзора правительства. Оттого медицина находится на очень низкой степени, лишена всякихъ научныхъ основаній, и не болѣе какъ знахарство, въ которомъ очень важную роль играетъ число 5. Китайскіе врачи полагаютъ, что на тѣло имѣютъ вліяніе пять планетъ: Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Венера и Меркурій; внутренностей пять: желудокъ, печень, сердце, легкія и почки; основныхъ началъ тѣла пять: земля, огонь, дерево, металлъ и вода; цвѣтовъ пять: желтый, зеленый, красный, бѣлый и черный; вкусовъ также пять, сладкій, кислый, горькій, ѣдкій и соленый. Мнѣнія о дѣйствіяхъ лекарствъ очень странны. Китайскіе врачи говорятъ напр., что верхняя половина тѣла принадлежитъ небу и оттого лекарства, назначаемыя для нея, должны быть изготовлены изъ главъ растеній. Середина назначается для леченія страданій живота, а корни для ногъ. Въ аптекахъ Китая держатъ множество простыхъ лекарственныхъ веществъ, въ главѣ которыхъ находится жинзенгъ, сушеный и вареный корень растенія panax quinquefolius. Этотъ корень привозятъ изъ Татаріи; онъ составляетъ монополію императора и очень дорогъ. Желтоватый прозрачный корень жинзенга часто привозили также изъ Америки, но его не цѣнятъ такъ высоко, какъ татарскій. Лекарство безъ жинзенга китаецъ считаетъ не дѣйствительнымъ.

Для уничтоженія мѣстныхъ страданій вообще употребляютъ моксу, приготовляемую изъ волоконъ особаго рода чернобыльника. Волокно свертываютъ въ шарообразный комокъ, накладываютъ на больное мѣсто и зажигаютъ. Мокса сгараетъ очень быстро и, какъ говорятъ, причиняетъ мало боли. Основаніе шарика будетъ величиною въ гривенникъ. Это средство очень часто употребляется какъ въ Китаѣ, такъ и въ Японіи, потому что я видѣлъ многихъ людей съ нѣсколькими десятками рубцевъ отъ ожогъ на лбу, рукахъ, шеѣ и другихъ частяхъ тѣла. Объ анатоміи и физіологіи китайскіе врачи не имѣютъ почти ни какого понятія. Они никогда не производятъ отнятія членовъ или другихъ операцій, и единственная ампутація производится, по приказанію правительства, палачемъ, отрубающимъ преступнику голову.

Строеніе скелета человѣчьяго извѣстно, не только врачамъ, но и обыкновеннымъ китайцамъ. Они знаютъ число, положеніе костей и обозначаютъ ихъ особыми именами. Такое знаніе зависитъ отъ вниманія, которое Китайцы обращаютъ на кости предковъ. Китаецъ мѣняя мѣсто жительства, онъ почтительно беретъ съ собою останки предковъ. Я самъ имѣлъ случай убѣдиться въ познаніяхъ китайцевъ въ остеологіи. Во время нашего пребыванія въ Шангхаи, іезуитская миссія пріобрѣла участокъ земли, бывшій прежде кладбищемъ. Намѣревались построить на этомъ мѣстѣ домъ и публично объявили, когда приступятъ къ подготовленію земли. Тогда всѣ семейства, имѣвшія на кладбищѣ родственниковъ, поспѣшили принять мѣры для собранія и удаленія дорогихъ для нихъ костей. Ежедневно отрывали 30 или 40 могилъ и рачительно подбирали всѣ доски и косточки. Одинъ китаецъ имѣлъ при себѣ списокъ всѣхъ костей, которыя по порядку от-

кладывали въ ящики длиною въ два фута, и въ вату, помѣщая черепъ на самомъ верху.

Врачи, какъ и буддайскіе жрецы, отличаются совершенно остриженною головою. Эти люди полагаютъ въ тѣлѣ разные пульсы и тѣмъ выказываютъ совершенное незнаніе кровообращенія. Если врача призываютъ къ больному, то онъ прежде всего щупаетъ пульсъ, но на обѣихъ рукахъ и въ трехъ различныхъ мѣстахъ, въ сочлененіи кисти и въ двухъ точкахъ локтя. Точно такъ же китайцы не знаютъ разницы между артеріями и венами. На основаніи своихъ воззрѣній о стихіяхъ, образующихъ тѣло; они полагаютъ, что при каждой болѣзни нарушено отношеніе одной изъ нихъ къ другимъ. Слѣдовательно при распознаваніи они стараются опредѣлить, которой стихіи больше или меньше въ тѣлѣ. Сообразно съ результатами своихъ изысканій, врачи назначаютъ для лекарства напр. дерево, землю, воду и т. д. Врачебныхъ училищъ въ Китаѣ нѣтъ. Врачи составляютъ цехъ, рачительно сохраняющій свое искусство и тайны, передаваемыя только надежнымъ ученикамъ. Впрочемъ нельзя отрицать, что, при всемъ безтолковомъ ихъ леченіи, они въ извѣстныхъ болѣзняхъ дѣйствительно помогаютъ, и въ подобныхъ случаяхъ ихъ совѣтами часто пользуются даже европейцы.

За посѣщеніе врачу платятъ по 5 или 6 копеекъ, а сверхъ того носильщикамъ, принесшимъ медика. Особенно знаменитымъ врачамъ даютъ по 15 копеекъ. Въ Кантонѣ теперь живетъ китайскій врачъ, учившійся медицинѣ по-европейски. Онъ, единственный въ своемъ родѣ, окончилъ курсъ въ Оксфордскомъ университетѣ, человѣкъ очень просвѣщенный и пользуется большою практикою у своихъ соотечественниковъ. Недавно онъ написалъ для своихъ собратій небольшое сочиненіе, и можно надѣяться, что его примѣру послѣдуютъ многіе.

### Пиченскій языкъ. Компрадоры. Китайская прислуга въ европейскихъ семействахъ. Монета.

При сношеніяхъ съ иноземцами, въ Китаѣ установился особенный испорченный англійскій языкъ, называемый пиченскимъ. Китайскій языкъ до того труденъ, что европеецъ долженъ учиться ему по крайней мѣрѣ три года, чтобы знать его. Но люди, отправляющіеся въ Китай, чтобы торговать или промышлять тамъ, не имѣютъ ни охоты, ни времени, чтобы предаться изученію туземнаго языка, который не доставляетъ имъ выгоды и ни къ чему не годенъ по возвращеніи ихъ въ Европу. Изъ многихъ тысячъ европейцевъ, населяющихъ теперь Китай, едва ли десятеро дѣйствительно владѣютъ китайскимъ языкомъ. Но для дѣловыхъ сношеній необходимъ какой-нибудь языкъ, и потому возникло пиченонглійское нарѣчіе, исковерканный англійскій языкъ, которому и сами англичане должны учиться, потому что онъ состоитъ изъ попорченныхъ англійскихъ словъ съ примѣсью китайскихъ, и съ китайскимъ строеніемъ предложеній. Лучшій примѣръ для поясненія характера этого языка, заключается въ словѣ pitschen, которое не что иное, какъ китайское измѣненіе англійскаго слова business (дѣло, занятіе). Слѣдовательно пиченонглійскій языкъ, значитъ дѣловой англійскій языкъ. Дѣло для китайцевъ всего важнѣе, и замѣчательно на какія понятія переносится слово pitschen. Напр., если вы желаете сказать: «ты лжешь», то говорите: «you mockeely pitschen (ю мекилай пиченъ, т. е. ты дѣлаешь дѣло лжи.» Также говорятъ: Love pitschen, chin chin josspitschen — любезное дѣло, дѣло мольбы богамъ и т. д. Еще болѣе не понятнымъ становится этотъ языкъ отъ особенностей китайскаго выговора, въ которомъ нѣтъ многихъ буквъ нашего алфавита, а кромѣ того прибавлются гласныя *и* или *о*. «Ми токи плоплъ», примѣръ подобнаго рода, и едва кто-либо говорящій по-англійски, догадается, что это значитъ «I talk proper — я говорю какъ слѣдуетъ (т. е. истину).» Положимъ, что вы пришли къ дому, гдѣ живетъ европеецъ и желаете спросить слугу, дома ли хозяинъ. Если вы скажете вѣрно: «Is Mr. N. at home?» слуга не пойметъ васъ, вамъ должно сказать ему «Mr. N. hob got» тогда слуга отвѣтитъ: «Habgot topside и дополнитъ side unu inside (онъ вверху, внизу или въ домѣ).» Number one, нумеръ первый — играетъ въ пиченскомъ языкѣ важную роль и относится даже ко всѣмъ нравственнымъ качествамъ, которыя желаютъ отличить. Китаецъ говоритъ о чаѣ number one, о деньгахъ number one, желая означить необрѣзанныя монеты, толкуетъ о number one mastel (r), добромъ господинѣ или number one lial (r), сильномъ лгунѣ. Да, и нѣтъ, китаецъ говоритъ рѣдко и замѣняетъ эти слова выраженіями *san* и *po san*, можно и нельзя. Слово *sabee* (отъ испанскаго глагола saber) замѣняетъ всѣ формы глагола знать и понимать. Частое употребленіе слова *pissy* (piece), *штука* перенесено въ пиченскій языкъ съ китайскаго. Числительныя количественныя становятся на китайскомъ языкѣ не непосредственно передъ существительными, но между этими двумя словами помѣщаютъ выраженіе *штука*. Оттого китайцы говорятъ объ одной штукѣ женщины, четырехъ штукахъ мужчинъ. Нашъ прусскій флагъ они называли one piece white flag, with one large piece black fowl inside, т. е. одна штука бѣлаго флага съ

одною большою штукою черной курицы въ немъ. Когда мы, послѣ продолжительнаго пребыванія, ознакомились съ китайцами, они стали называть насъ Blussum, переиначивъ англійское слово Prussian.

Въ послѣдніе годы, съ той поры, какъ французы утвердились на сѣверѣ и югѣ, возникъ еще пиченфранцузскій языкъ, потому что французы, какъ и англичане, стараются распространить свое нарѣчіе на чужбинѣ. Впрочемъ, испорченный французско-китайскій языкъ, употребителенъ только въ мѣстностяхъ, гдѣ находятся французы. Одни нѣмцы, которые даже съ земляками стараются говорить не роднымъ языкомъ, не остаются нѣмцами, не смотря на значительное ихъ число. Клубъ ихъ называется Germania, но въ немъ слышно больше англійскихъ, нежели германскихъ звуковъ.

Хотя дѣловой англійскій языкъ и достаточенъ, чтобы объясняться съ прислугою и приморскими купцами, но онъ не удовлетворяетъ потребностямъ европейцевъ при ихъ дѣлахъ, и при сношеніяхъ съ отдаленными купцами. Оттого, со времени сближенія китайцевъ съ чужемцами образовались посредники, называемые *компрадорами* (отъ испанскаго слова comprar покупатель), которые служатъ въ европейскихъ торговыхъ домахъ или самостоятельно выполняютъ посредничество между китайцами и европейцами. Проценты за это компрадоры назначаютъ сами или ихъ назначаютъ имъ другіе. Этотъ классъ людей, воспитываемый для посредничества съ юности, для собственной выгоды охраняетъ европейцевъ поручающихъ ему свои дѣла, отъ обмановъ китайцевъ. Въ Китаѣ европеецъ болѣе или менѣе находится въ зависимости отъ туземцевъ, и для него всегда выгоднѣе заниматься дѣлами при помощи посредника. Компрадору онъ даетъ только опредѣленные проценты, между тѣмъ какъ китайцы извлекаютъ изъ него, при непосредственныхъ сношеніяхъ, вдвое или втрое больше. Принято давать посреднику 10 % съ закупной суммы. Европейцы знаютъ это и поддерживаютъ такой явный обманъ молчаніемъ. Компрадоръ, который у китайцевъ считается порядочнымъ человѣкомъ, заслуживаетъ всякаго уваженія; кто беретъ больше, того они называютъ обманщикомъ и презираютъ.

Посредники большею частью очень ловкіе люди. Они бѣгло говорятъ по-англійски, пишутъ на этомъ языкѣ и нерѣдко имѣютъ нѣкоторое образованіе. Назначаемое имъ жалованье опредѣляется обратнымъ отношеніемъ къ размѣрамъ торговаго дома, которому они служатъ. Чѣмъ больше кругъ дѣйствія торговаго дома, тѣмъ меньше жалованья, потому что принимаются въ соображеніе проценты съ покупокъ. Соотвѣтственно суммамъ, которыя идутъ черезъ ихъ руки въ качествѣ кассировъ, они должны доставить за себя залогъ, который въ нѣсколькихъ главныхъ торговыхъ домахъ составляетъ до 100,000 долларовъ. Компрадоры начинаютъ свое поприще обыкновенно ни съ чѣмъ. Они большею частью сыновья бѣдныхъ купцовъ, и поступаютъ въ домы европейцевъ слугами. Въ этомъ качествѣ они знакомятся съ языкомъ, нравами и обычаями европейцевъ, и становятся компрадорами, когда пріобрѣли необходимыя для того знанія, и въ состояніи дать небольшой залогъ. Постепенно они становятся богатыми или по крайней мѣрѣ достаточными людьми.

Въ Китаѣ не слѣдуетъ однако смѣшивать слугу съ лакеемъ. Китайскій слуга или бой (мальчикъ), какъ его называютъ европейцы, никогда не унижается до чистки платья и сапоговъ или другихъ грубыхъ работъ: это исполняютъ кули. Бой исправляетъ должность камердинера, ходитъ по порученіямъ, стоитъ за стуломъ своего господина и сопровождаетъ его для прислуги въ гостяхъ, потому что въ Китаѣ всегда надобно брать съ собою собственнаго слугу, если желаешь кушать въ чужомъ домѣ. Бой отъ ранняго утра до поздняго вечера одѣтъ чисто и хорошо, и смѣетъ входить въ комнаты, куда кули не вступаетъ ногою.

При незнаніи языка и въ большихъ городахъ не возможно имѣть достаточный надзоръ за многочисленною прислугою, и предохранить себя отъ обмановъ. Оттого слуги никогда не берутъ въ домъ безъ поручительства. Даже компрадоръ, не смотря на доставляемый имъ залогъ, не принимается на службу безъ поручительства двухъ лицъ способныхъ платить, а онъ въ свою очередь ручается за все серебро въ домѣ, и обязанъ замѣнить пропадающее въ хозяйствѣ. Оттого вся прислуга въ домѣ состоитъ изъ родственниковъ и знакомыхъ компрадора, и онъ обходится съ ними, какъ намѣстникъ отца. Оттого рѣдко можно найти лучшихъ, болѣе опрятныхъ, внимательныхъ и спокойныхъ слугъ, какъ китайскихъ боевъ въ европейскихъ домахъ.

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о деньгахъ въ Китаѣ. Единственная ходячая монета въ государствѣ: шенгъ или какъ ее называютъ чужеземцы камъ. Эта монета состоитъ изъ сплава мѣди и олова, величиною въ двухкопеечную монету съ четырехугольнымъ отверстіемъ въ серединѣ для нанизанія на веревку. Первоначально 100 шенговъ составляли одинъ месъ, а 10 месовъ одинъ таэль. Теперь же цѣна послѣдняго повысилась до 1,500 шенговъ. Ме-

# МІРЪ
# ДО СОТВОРЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА.

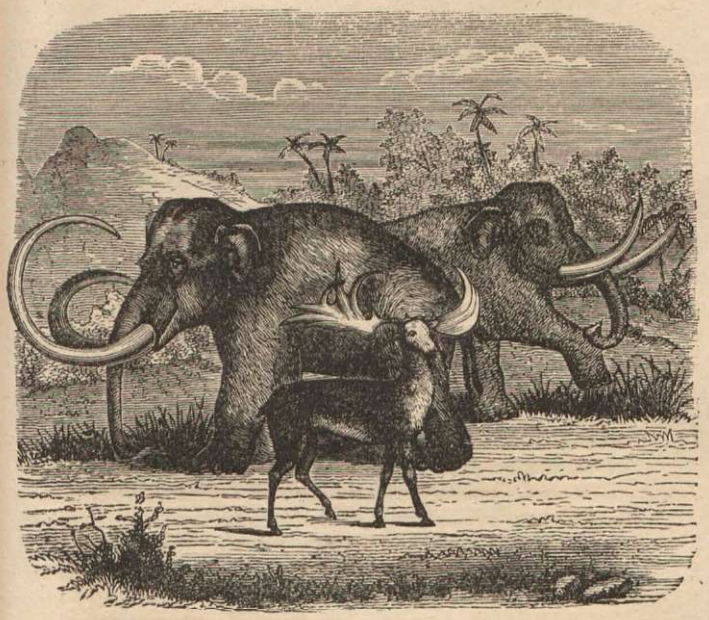
**ОБЩЕПОНЯТНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ПЕРВОБЫТНАГО СОСТОЯНІЯ НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ, ОПИСАНІЕ РАЗНЫХЪ ПЕРІОДОВЪ РАЗВИТІЯ ЗЕМНОЙ КОРЫ, ЕЯ РАСТИТЕЛЬНОСТИ И ЯВЛЕНІЯ ДО НОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.**

СОЧИНЕНІЕ ДОКТОРА Ф. А. ЦИММЕРМАНА.

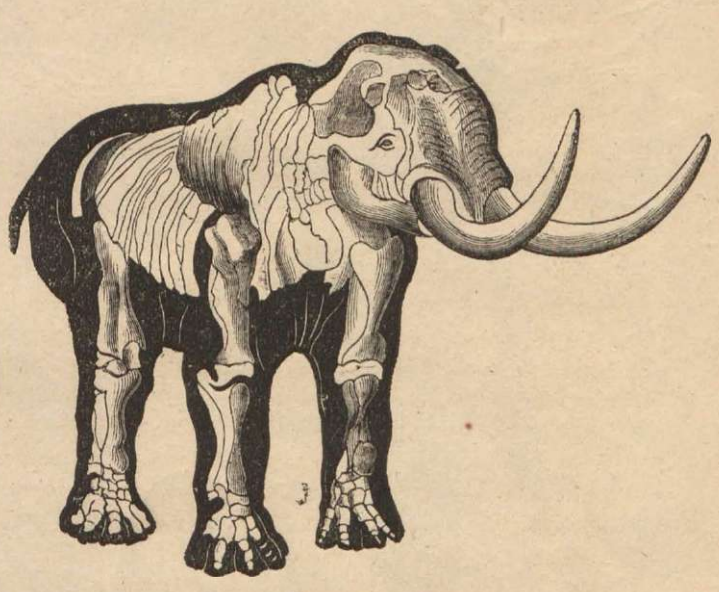
ПЕРЕВЕЛЪ СЪ 12 НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ **П. ОЛЬХИНЪ.**

1 ТОМЪ ВЪ БОЛЬШУЮ 8 Д. Л. (700 СТРАНИЦЪ ПЕЧАТИ) СЪ 194 ПОЛИТИПАЖАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

**ЦѢНА 3 Р. 50 К., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 4 Р. 50 К.**



Мамонтъ, Мастодонъ и исполинскій олень.



Допотопный слонъ.

Въ книгѣ **„Міръ до Сотворенія Человѣка“** изданной теперь въ русскомъ переводѣ, авторъ съ замѣчательномъ искуствомъ въ самой доступной формѣ, знакомитъ читателя, даже вовсе непосвященнаго въ естественныя науки, съ результатами, одной изъ этихъ наукъ, Геологіею, почитаемою обыкновенно сухимъ предметомъ людьми несвѣдущими. Завлекательнымъ изложеніемъ фактовъ и принятыхъ теорій со всею ихъ доказательностью и послѣдовательностью, языкомъ простымъ, очищеннымъ отъ научныхъ терминовъ, книга эта вводитъ читателя, незамѣтно для него самого, въ область идей и воззрѣній, добытыхъ тяжелымъ и долгимъ трудомъ изслѣдованій, и открываетъ предъ нимъ гармоническій строй мірозданія. Читатель пріобрѣтаетъ сознательное пониманіе того, какимъ путемъ умъ человѣка твердо проникаетъ въ самыя сокровенные и, повидимому, недоступные тайники природы. Содержаніе книги богато и разнообразно; оно изложено въ семъ главахъ. Въ I-й главѣ объясняется, такъ сказать, первый шагъ въ геологіи, т. е. какіе признаки, какія простыя наблюденія даютъ намъ возможность углубляться въ изслѣдованія природы земли: строеніе почвы, замѣчаемое въ артезіанскихъ колодцахъ и находимыя всюду окаменѣлости суть явные и неизгладимые слѣды исторіи образованіи земли. Логическій путь разсужденій и наблюденій ведетъ къ познанію ея. Въ II-й главѣ развивается теорія образованія солнечной системы, съ предварительнымъ объясненіемъ простыхъ физическихъ законовъ, на которыхъ она основывается, и изложеніемъ данныхъ, добытыхъ астрономіею. Въ III-й главѣ разсматривается теорія постепеннаго образованія земнаго шара, отъ первоначальнаго ея состоянія въ видѣ раскаленнаго газа до современнаго ея вида; и роль въ этомъ образованіи теплорода и хѣмическаго средства. Затѣмъ развивается поэтичіе празличія между животными и растеніями описываются замѣчательныя формы первобытныхъ растеній и животныхъ, условія представляемыя природою въ эпоху ихъ существованія. Въ IV-й гл. доказывается, что по представителямъ, разныхъ классовъ и другихъ отдѣловъ животнаго царства, находимымъ частями въ ископаемомъ состояніи можно воссоздать, такъ сказать, первобытный міръ разныхъ періодовъ существованія земли. Въ V-ой гл. говорится о формаціяхъ, о внутреннемъ строеніи земли, и о томъ, что такое значитъ такъ называемый **„допотопный міръ“**. Показывается, какимъ переворотамъ подвергалась земля во все время ея образованія до послѣдняго времени, какія превращенія испытывала вся природа земли, въ разныхъ ея частяхъ, относительно климата, мѣстности, растительности и животныхъ. Въ VI гл. Плутоническая и вулканическая дѣятельность земли, или явленія и перевороты производимые непосредственно дѣйствіемъ подземнаго огня. Здѣсь же помѣщено описаніе важнѣйшихъ на землѣ гористыхъ странъ и равнинъ. Глава эта вообще заключаетъ въ себѣ много весьма любопытныхъ географическихъ свѣдѣній которыя могутъ служить хорошимъ матеріаломъ для преподаванія географіи. Наконецъ въ VII-й гл. въ общихъ поданыхъ и характеристическихъ чертахъ разсматривается нахожденіе въ горахъ рудоносныхъ жилъ, мѣсторожденія металловъ и драгоцѣнныхъ камней. Но этотъ краткій очеркъ содержанія еще не можетъ дать настоящаго понятія объ сочиненіи, потому что большое богатство его заключается въ разныхъ весьма занимательныхъ подробностяхъ, которыя авторъ съ роскошью разсыпаетъ въ своемъ разсказѣ для подтвержденія развиваемыхъ имъ понятій.

# ЭЛЛАДА.

## КАРТИНЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ, ЕЯ РЕЛИГІЯ, МОГУЩЕСТВО И ПРОСВѢЩЕНІЕ

для

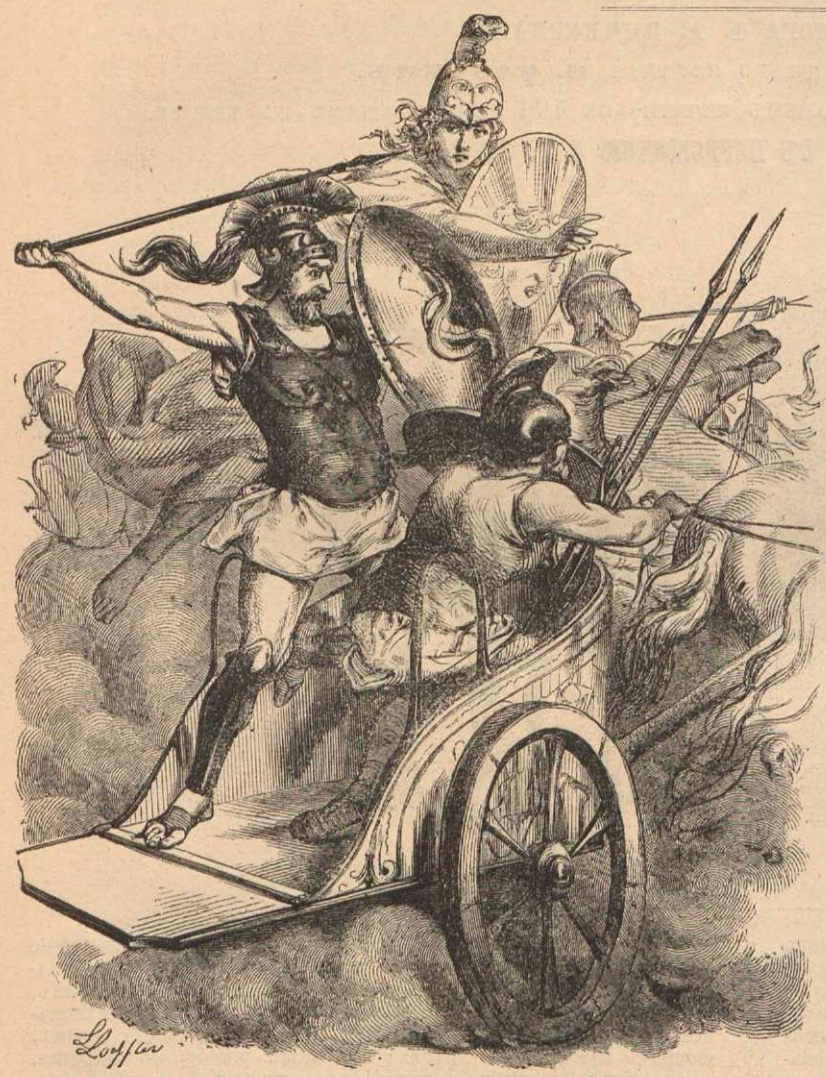
**ЛЮБИТЕЛЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ И ПРОСВѢЩЕНІЯ РУССКАГО ЮНОШЕСТВА.**

СОЧИНЕНІЕ ДОКТОРА **ВЕГНЕРА.**

Переводъ съ нѣмецкаго **П. Евстафьева.**

1 т. въ б. 8 д. л. съ 200 рисунками въ текстѣ. Ц. **3 р. 50 к.** съ пер. **4 р. 50 к.**

Въ богатомъ коленкоровомъ переплетѣ ц. **4 р.** съ пересылкою **5 р.**



Афина-Паллади устремляетъ Діомеды въ битву.

Предпринимая это изданіе, мы имѣемъ въ виду познакомить русскую публику съ исторіей тѣхъ древнихъ государствъ, которыхъ гражданское развитіе, просвѣщеніе и, въ особенности, изящныя искусства могутъ служить однимъ изъ лучшихъ руководствъ для пріобрѣтенія основательнаго, человѣческаго образованія, столько нужнаго современному гражданину.

Обработка сочиненія, на русскомъ языкѣ, принадлежитъ переводчику «ОЛИМПА», *Петискуса*, уже извѣстнаго русской читающей публикѣ по лестнымъ отзывамъ, которыми «ОЛИМПЪ» былъ встрѣченъ. Мы прибавимъ только, что, по нашему мнѣнію, множество прекрасныхъ рисунковъ въ самомъ текстѣ возвышаютъ какъ нельзя болѣе значеніе «ЭЛЛАДЫ», особенно при относительной рѣдкости у насъ изданій этого рода. Благодаря рисункамъ, становятся читателю нагляднѣе какъ виды замѣчательныхъ мѣстностей и подробности домашняго быта древнихъ грековъ, такъ и громкія дѣла и возвышенныя и изящныя произведенія искусствъ. Рисунки и чертежи тѣ же, что и въ лейпцигскомъ нѣмецкомъ изданіи 1859 года, т. е. заимствованы изъ лучшихъ и надежнѣйшихъ источниковъ: виды мѣстностей, сцены, костюмы — изъ *Евгенія Бурнуфа*, *Додвиля*, *Дуссо*, *Томаса Доппе* и *Крузе;* оружіе изъ *Гексле* и *Вейса;* архитектурные предметы — изъ *Витрувія*, *Шинкеля*, *Гайльгабода* и др.; чертежи и планы исполнены по *Гроту;* портреты, бюсты, статуи, барельефы — преимущественно *по антикамъ;* историческія же сцены, по рисункамъ *Флаксманна*, *Жоанно* и *Ватіе*, мастерски рѣзаны на деревѣ *Лефлеромъ* и въ особенности извѣстнымъ лейпцигскимъ художникомъ *Лейтеманномъ*.

За «ЭЛЛАДОЙ» послѣдуетъ, еще въ нынѣшнемъ году, въ такомъ же духѣ и въ такой же формѣ, *Исторія, жизнь и нравы древнихъ Римлянъ*. Такимъ образомъ составится полная картина просвѣщенія періода, предшествовавшаго христіанству.

Сафо.

# ОЛИМПЪ.

## МИѲОЛОГІЯ ГРЕКОВЪ, РИМЛЯНЪ, ГЕРМАНОВЪ И СЛАВЯНЪ.

Сочиненіе **ПЕТИСКУСА.**

ПЕРЕВОДЪ П. ЕВСТАФЬЕВА.

1 т. въ 8 д. л. съ приложеніемъ 76 изображеній миѳологическихъ боговъ.

Въ богатомъ переплетѣ.

Ц. 3 р. съ пересылкою 3 р. 50 к.

Гэростесъ.

Печатано въ типографіи М. О. Вольфа.

Дозволено Цензурою. 27 Августа 1863 года.